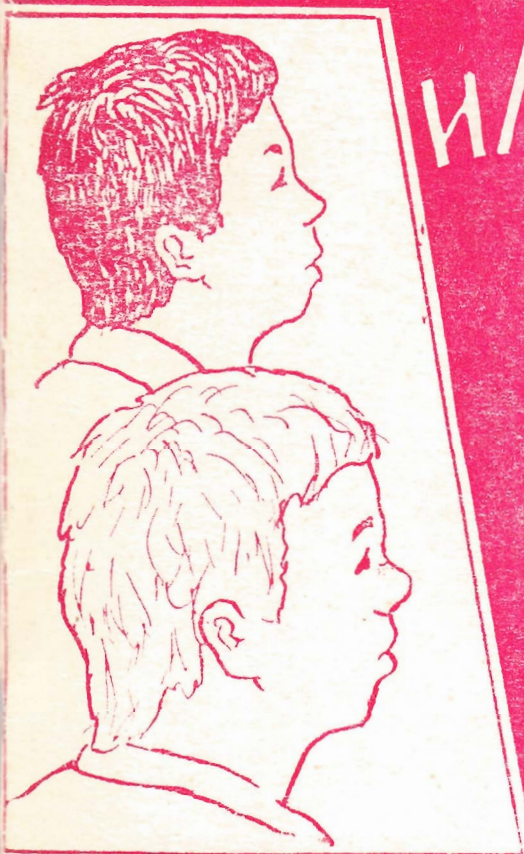
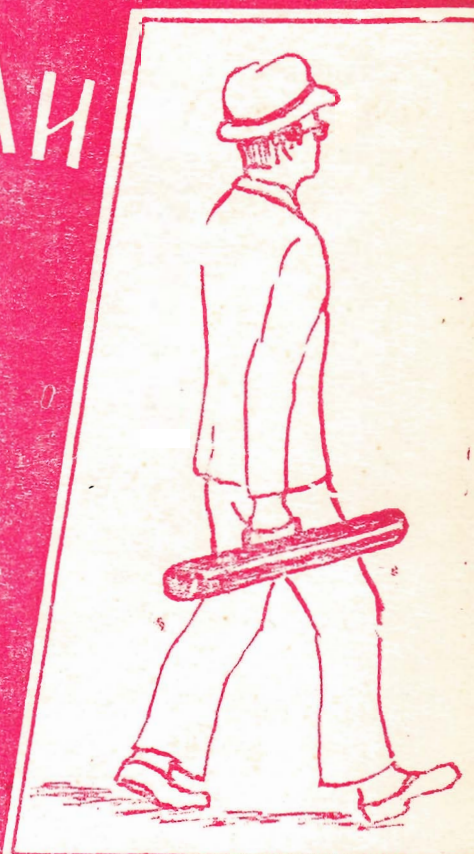

ЗЧРБ К ма.ср.
Ф33

Т.ФЁДОРОВ В КОНЦЕ АВГУСТА

ИЛИ

ОПЕРАЦИЯ „УРАГАН“

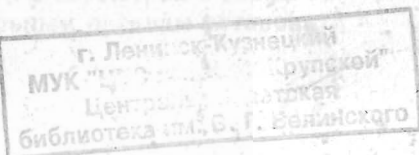
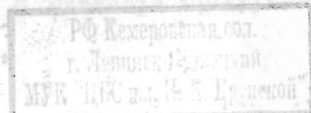
84Р6К МА.С
Ф33

Т. Федоров

В КОНЦЕ АВГУСТА,
ИЛИ
ОПЕРАЦИЯ «УРАГАН»

*Приключенческая повесть
для младшего и среднего
школьного возраста*

1996 г.

Внукам моим Анне,
Леониду, Семену и Никите
— посвящаю

85458(1)

ПОВЕСТЬ О НАШИХ МАЛЬЧИШКАХ

Вниманию читателей предлагается приключенческая повесть, написанная нашим земляком, жителем города Березовского, Тимиром Николаевичем Федоровым. Имя его известно многим, причем знают его прежде всего как даровитого художника, полотна которого не раз демонстрировались на выставках и в нашем городе, и в областном центре, и вызывали немалый интерес у зрителей. К слову сказать, и художественное оформление этой книжки (обложка, рисунки, заставки) — все это дело искусных рук самого автора.

В основе сюжета повести — будничная жизнь мальчишек-подростков, которым, как и всем в детстве, присущи романтика, стремление к свершению необычных поступков, связанных зачастую с проявлением неосмысленного ими патриотизма, но уже понимающими разницу между добром и злыми делами.

Герои повести — шестиклассники Гена Поваров, Боря Гранин и Толя Фомин, ребята разных судеб и характеров, однажды обнаружили довольно странное поведение незнакомых им людей и стали за ними вести постоянное наблюдение. Обстоятельства складывались так, что каждый замеченный эпизод действий незнакомцев вызывал у ребят все новые и новые подозрения и потому они еще прилежнее следили за своими «подопечными».

Наблюдение за одними людьми привело их к другой группе лиц — уже настоящих преступников. Ребята не осознавали, в какую опасную игру по собственной воле и любознательности они втянули сами себя. Даже неосторожный один шаг в их действиях мог завершиться самым трагическим образом. Но наши герои оказались смелыми разведчиками, перебороли в себе страх и таким образом помогли правоохранительным органам установить и наказать преступников.

Повесть читается с неослабевающим интересом. Думается, по-хорошему она будет принята и взрослыми, ибо жизнь подростков, только-только вступающих в большую жизнь, не должна проходить мимо людей старшего поколения, всегда и в полной мере ответственных за воспитание своих детей. В этом смысле автор очень образно и емко показал воспитательную роль отца и матери Борьки Гранина.

Не станем рассказывать подробно содержание повести. Не так уж много времени надо, чтобы прочитать ее и сделать собственную оценку.

Не будем говорить и о том, что Тимир Федоров — автор данной повести — является маститым мастером слова. И хотя он немало работал над разного рода прозаическими произведениями, и в других, и, в частности, в данной повести можно обнаружить стилистические погрешности, отсутствие яркого и сочного литературного языка, запоминающихся художественных образов и сравнений. Но это исправимо. Дело во времени, опыте, вдумчивой работе над собой и русским словом.

У Тимира Федорова большой жизненный опыт. По образованию он горняк. Работал на шахтах города, в ряде строительных организаций, в профтехучилище. Член Союза творческих работников, возглавляет секцию художников города. Все свободное время отдает своему творчеству — пишет картины, рассказы, стихи. Есть надежда, что читатель еще не раз встретится с произведениями этого одаренного человека.

В. ЧВРО,
Заслуженный работник культуры России.

Глава I

ТАЙНА

Борька проснулся от пронзительного свиста. Непонимающий взгляд его окинул комнату и остановился на будильнике — было пятнадцать минут десятого. Свист повторился. «Это Генка», — сообразил он. Сбросив одеяло, кинулся к окну. В момент, когда его голова высунулась из форточки, Генка, сидя на заборе, намеревался свистнуть еще раз.

— Генн! Я сейчас! Мигом! — прокричал Борька и спрыгнул на пол. Надев шорты, обулся, махнул рукой на развороченную постель и выглянул в коридор. Там могла подстерегать главная опасность — бабушка. Он решил сразу выскочить на крыльцо, но едва двинулся, как услышал шаркающие шаги бабушкиных шлепанцев. Пришлось юркнуть в ванную. Там он несколько раз плеснул водой из-под крана, утерся полотенцем и снова выглянул в коридор. В комнате послышался капризный голос сестренки и спокойный голос бабушки. Опасность миновала. Через мгновение он был на крыльце.

Солнце ярко светило, а безоблачное бледноглубое небо обещало жаркий день.

Генка держал в руке прут, которым пытался срубить макушку стебля высокой крапивы. Заметив Борьку, он бросил прут, словно копье, и после того, как они поздоровались, сказал:

— Айда ко мне, дело есть, — и, перекинув ноги, прыгнул к себе во двор.

Борька не стал карабкаться на забор, а, пробежав метров пять вдоль него, отодвинул болтающуюся на одном гвозде доску и пролез в щель.

Дом, в котором жил Генка, был каменный, двухэтажный, с двумя подъездами. Двор широкий, поросший травой, с деревянными столбами по середине. Предназначались они для игры в волейбол, однако на них всегда висела веревка, на которой сушили белье. В конце двора стоял дощатый сарай, тоже двухэтажный, с узкими дверями — по восемь вверху и внизу.

Как раз туда, на верхнюю площадку, и поднялся его друг. Борька последовал за ним и, едва они уселись на высоком пороге, с нетерпением спросил:

— Какое дело?

— Побожись, что никому никогда не разболтаешь то, что я тебе расскажу.

Борькины глаза заблестели от любопытства, и он поспешно выпалил:

— Честное слово! Никому, — и даже приложил руку к груди.

Генка посмотрел на него очень серьезно, почесал затылок и перешел на шепот:

— Ладно. Только никому, это тайна! — еще раз предупредил он, сжимая кулак перед Борькиным носом. — Тут такие дела: пока вы там, на этой турбазе, были... В общем, четыре дня, как я ночую у тети Паши, она уехала к своей сестре в деревню. Кормлю кота и поливаю цветы. Так вот. Проснулся я после первой ночи рано, подошел к окну. На улице погода хорошая. Брызгалка проехала. Народ на работу торопится. Прямо под окнами дома, у скверика, ларек, а около него по утрам и вечерам сидит старик, продает газеты и журналы.

— Знаю, я его видел, — заторопился Борька, — у него очки и бородка клинышком.

— Ага, — подтвердил Генка. — Смотрю, подходит к этому старику один дядька, покупает газеты и вместе с деньгами передает тому какую-то бумажку. Тот ее сходку в карман, а деньги только потом взял. Распрощались, и дядька тот быстро к трамваю, вошел в него и уехал.

— Ну и что?

— Ладно. Только — никому, это тайна!

— А ничего, — буркнул Генка, — какие бумажки может передать этот дядька старику?

Борька пожал плечами.

— Вот то-то, — упрекнул Генка, — а сегодня опять бумажка.

— Неужели шпион какой? — не выдержал Борька.

— Кто его знает? Все может быть.

— А если он просто так что-нибудь передал?

— Я сначала так и думал, но когда сегодня снова увидел, мне стало подозрительно, — с этими словами он встал и открыл дверь сарая. Там было довольно просторно. В углу стояла старая кровать с порванной сеткой, на стене висела рама от картины, в другом углу уместился большой деревянный сундук, покрашенный в коричневый цвет. Генка подошел к нему и, приподняв крышку, достал из него толстую, в черном переплете тетрадь с прицепленной к ней ручкой. Отцепив ее, протянул Борьке:

— Посмотри.

Тот открыл обложку. На первой странице крупными кривыми буквами было написано: «ОПЕРАЦИЯ «УРЛ-ГАН», а ниже следовало:

«17 августа. У сквера, на улице Садовой, неизвестный человек в темных очках в восемь часов утра передал какую-то бумажку продавцу газет.

18 августа. Тот же человек сделал условный знак старику-продавцу и сел в трамвай».

Больше в тетради ничего не было написано. Генка пояснил:

— Это я сегодня... но не дописал, вспомнил, что ты вчера приехал, и побежал к тебе. Сейчас допишем про сегодняшнее.

— Вот здорово! — почему-то шепотом произнес Борька, — мы про него все узнаем и передадим в милицию. Да?

— Точно, — согласился Генка, забирая тетрадь и направляясь к двери. Там он сел на порог, раскрыл тетрадь, снял колпачок с ручки и начал писать прямо на коленке. Борька присел возле него и увидел, как из-под ручки стали появляться слова:

«19 августа. Старик не пришел.

20 августа. Неизвестный гражданин, которого дальше будем именовать...» — Генка задумался, Борьку вдруг взяли сомнения:

— А вообще, Генн, какие сейчас шпионы? Вон сколько иностранцев приезжает, по телеку показывают.

— Ты думаешь, сейчас их нет? Или обязательно иностранцы. Вон показывали: в Америке нашего шпиона поймали и судили. Он кто? Американец. А они что? Рыжие? Вон у нас бывший почтовый ящик думаешь, одни утюги выпускает? Все знают, что это военный завод. Считаешь, это никому не интересно?

Борька пожал плечами, а потом сказал:

— Я про завод забыл, — и, взглянув в тетрадку, спросил: — Ну и как его назвать? Генка зажал ручку зубами, потом опустил руку и написал: «Гражданином «Х».

— Фу... — скривил губы Борька, — какой-то «Ха».

— Пантюха! Не «Ха», а «Икс». Ты что, про «иксы» не слышал?

— Слышал. Я просто не подумал.

— А ты думай, — Генка почесал ручкой себе по лбу. — Нет, давай просто назовем его «Незнакомец»? Борька поддакнул, и тот, зачеркнув «икс», стал писать дальше: «Незнакомец» снова передал бумажку старику-продавцу газет». — Тут он поставил точку, прочитал написанное вслух, закрыл тетрадь и посмотрел на Борьку:

— Согласен с завтрашнего дня по-настоящему за ним наблюдать?

— Согласен.

— Тогда тебе надо отпроситься ночевать вместе со мной.

— Мамка не отпустит, вот разве палка... — рассудил Борька вслух.

— Ну, ты сам шурупь, у кого отпрашиваться.

Генка спрятал тетрадь, и они спустились во двор. Борьке очень не хотелось идти домой, но Генка сказал, что до вечера он будет занят у своего дяди, так как у них ремонт, а сам он лежит в больнице, и отец велел сходить и помочь.

Договорились встретиться в пять часов.

* * *

День у Борьки тянулся медленно. Генкина тайна так застряла в голове, что он не мог ничем заняться. Пере-

брал все свои книги, так и не выбрав что-нибудь почитать. Бродил по двору, строгал прутик, пинал попавшую под ноги жестяную банку, но не пошел играть в футбол, когда его позвал Витька Войтов. С удовольствием выполнил бабушкину просьбу: сходил за хлебом и бросил письмо в почтовый ящик. По дороге мысленно подготовился к разговору с родителями, но на обед никто из них не пришел.

В половине пятого он не вытерпел и побежал к Гепке. К большой его радости, он столкнулся с ним на крыльце: оказалось, тот направлялся к нему.

— Пойдем сходим в одно место. Может, бинокль дадут, — предложил Генка и спрыгнул с крыльца.

Он с радостью согласился.

— Понимаешь, с биноклем можно издали за тем очкариком следить.

— За стариком?

— Да нет, — скривился Генка, — тот дядька в темных очках ходит. Я же говорил.

Борька не стал спорить и поддержал друга:

— С биноклем, конечно!

— Да, я у тебя будильник в комнате видел, захвати, чтобы утром не проспать.

— Захвачу обязательно, — пообещал он, забыв, что еще не отпрашивался у родителей.

Улица, на которой они жили, находилась в старой части города. В конце ее располагался больничный городок. Он него по обе стороны стояло несколько двухквартирных домов для медработников. В последнем из них жил Борька. Начиная с Генкиного дома, шли двух- и трехэтажные, а с противоположного угла начинался целый квартал пятиэтажек, за которыми громоздились высотные дома новой части города.

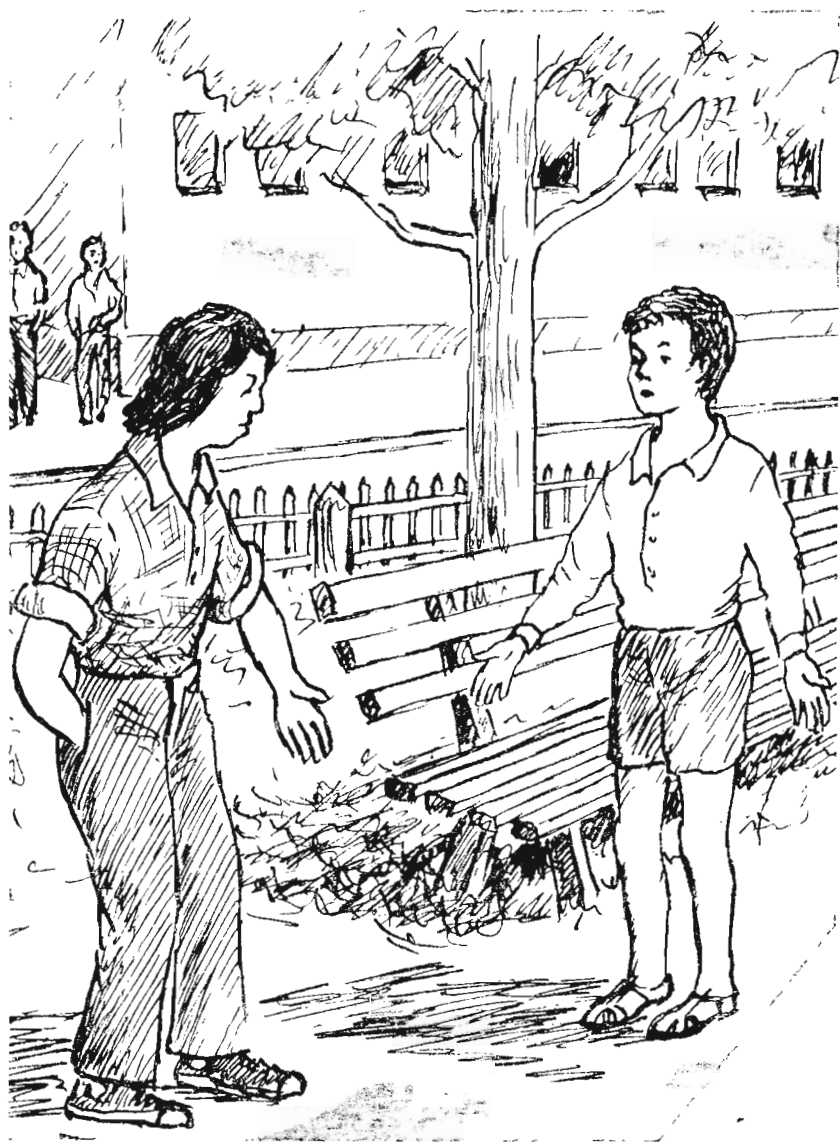
Некоторое время шли молча. Борька не вытерпел:

— Геня, бинокль кто обещал?

— Ивана Васильевича, нашего классного, знаешь?

— Знаю.

— Он. Мы несколько раз с ним на экскурсии в лес ходили и там из его бинокля за птицами наблюдали. Утром встретил его, когда к дядьке шел, пообещал дать.

— Деньги есть?

— Нету, — Борька отступил на полшага.

— И ты ему все рассказал? — с удивлением уставился на него Борька.

— Ты что, того? — сострил гримасу Генка, — я ему трекнул, что с двоюродным братом едем на несколько дней в деревню и хорошо бы с биноклем: наблюдать за птицами или зверьками. Он мне говорит: «Только все записывай».

— Нехорошо, — крутнул головой Борька, — вдруг он тебя в городе увидит?

— По-твоему, сыщики всегда правду говорят? Дудки! Борька промолчал, а тот продолжил:

— Если встречу, что-нибудь придумаю.

Выйдя к скверу на Молодежной, Генка велел ему обождать, а сам побежал к большому дому с вывеской «Аптека».

Борька зашел в сквер, сел на скамейку и откинулся на пологую спинку. Солнце пробивалось сквозь негустую листву тополей. Он зажмурился, подставляя лицо его лучам, и тут же вернулась мысль: «Как отпроситься? Ведь о тайне не расскажешь...».

Вдруг сзади что-то глухо стукнуло. Борька быстро обернулся. К нему, перепрыгнув через забор, приближался небольшого роста мальчишка в клетчатой рубашке, синих пыльных брюках и таких же пыльных кедах. У него было смуглое лицо и темные лохматые волосы. Он обошел вокруг скамейки. Борька встал. Тот смерил его взглядом и, подойдя вплотную, сказал:

— Деньги есть?

— Нету, — Борька отступил на полшага.

— А ты поници, — почти шепотом произнес тот, прищурив и без того узкие черные глаза. Борька машинально засунул руку в карман и неожиданно для себя нащупал сложенную вдвое бумажку. Вынув руку, он только тогда вспомнил, что бабушка оставила ему тысячерублевку на мороженое — от сдачи, когда он принес хлеб.

— Вот, — протянул он руку и разжал ладонь.

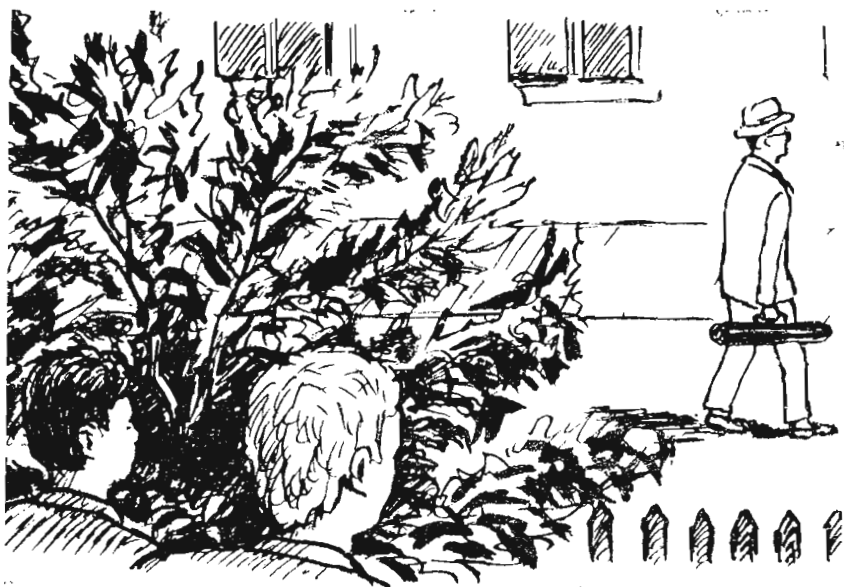
— Давай! — схватил деньги мальчишка и побежал к ДК, где его ожидали два дружка. Борька взглянул в сторону дома, куда убежал Генка, и увидел, что тот машет ему рукой.

— Кто такие? — спросил он, когда Борька подбежал к нему.

— Да просто.. спросили.. — махнул он рукой, не желая рассказывать, и поспешно спросил:

— Что? Не дал бинокль?

— Звонил, звонил — видать, нет никого. Пошли.

Глава 2

НЕЗНАКОМЕЦ

Проснулись они до звонка будильника. Быстро умылись, оделись, и Генка предложил перекусить. Пошли на кухню.

Квартира у Генкиной тети однокомнатная. Кроме дивана-кровати, на котором они спали, здесь были: большой старомодный шифоньер, сервант с зеркалом и стол, на-

крытый вязаной скатертью. Вокруг него — четыре стула с гнутыми спинками. В углу на ножках стоял телевизор, но, как сказал Генка: «В нем что-то сгорело». На небольших табуретах, просто на полу и на подоконнике зеленели цветы.

Борьке очень понравился огромный белый кот. Вчера он дремал в углу кухни на большой, из зеленого бархата, подушке. Сейчас, быстро опустошив миску с молоком, жмурил от удовольствия светлозеленые глаза и облизывал свой розовый нос. Отломив кусочек хлеба, Борька нагнулся и позвал: «Мусик, Мусик!». Тот поднялся и медленно направился к нему. «У, лентяй, котище! Шевелись!» — Борька бросил хлеб на пол. Кот понюхал хлеб и отвернулся. «Ты, пузан!» — обозвал его Борька и погладил по длинной пушистой шерсти.

— Захочет, съест, — сказал, дожевывая, Генка и поставил остаток молока в холодильник. — Пойдем.

Утро было солнечным. Его лучи блестели в стеклах домов, в лужах мокрого асфальта и на рельсах трамвайного пути. В пыльной зелени тополей верещали молодые воробьи. Машин на улице было еще мало. Направляясь к мехзаводу, прогромыхал трамвай.

Друзья зашли в сквер и сели на скамейку, лицом к проходу между домами, откуда, по словам Генки, вчера появился «Незнакомец». Они уже обо всем договорились, и сейчас главное — только внимание.

Прошло минут десять, «Незнакомца» не было. У Борьки упало настроение, но не от этого: он вспомнил, что ушел ночевать с Генкой без разрешения родителей. Правда, вчера он обрадовался, когда узнал, что мать дежурит и придет поздно, а отец уехал в командировку. Он сразу сообразил, как действовать: вынес ведро с мусором, подмел дорожку от крыльца до калитки, поиграл с сестренкой, а после ужина помог вытереть чашки и только тогда сказал бабушке, что пойдет ночевать к Генке. Та стала его отговаривать и просила позвонить матери, но он убедил ее, что мать не любит, когда ей звонят по пустякам. Она поохала, но согласилась. Вспомнив о будильнике, сунул его за пазуху и убежал... Так что неизвестно, как все обернется...

Воробьи, перелетая с дерева на дерево, очутились над их головами. Галдеж птичьей компании отвлекал

внимание, и Генка запустил в воробьев небольшой палкой, которая, прошебуршав по листьям, заставила всю шумную братию перелететь в конец сквера.

Это событие отвлекло Борьку от грустных мыслей, а когда вспомнил случай с будильником, даже улыбнулся.

Вчера по дороге на квартиру к Генкиной тетке, тот, показав деньги, предложил выпить сока. Подошли к ларьку. Продавщица взяла деньги и, наполнив стакан напитком, выставила его на прилавок. Генка отпил половину и протянул другу. Тот сделал несколько глотков, как вдруг у него под курткой раздался оглушительный треск. Он поперхнулся соком, поставил недопитый стакан и бросился бежать. Генка за ним. Продавщица высунулась из окошка и крикнула: «Вот окаянные, кажись, будильник сперли!». Опомнились они только на крыльце теткинго дома. Генка, переведя дух, спросил:

— Он что у тебя, сдурел?

— Наверное, вместо завода звонок накрутил, — пояснил он.

Борька хохотнул вслух и взглянул на друга, который внимательно смотрел вперед.

— Ты чего? — удивился он.

— Про будильник вспомнил, вчера..

— А-а-а, — Генка тоже усмехнулся.

— Генн, а вдруг он в другой одежде выйдет?

— Я его все равно узнаю. Он высокий такой и ходит прямо-прямо.

— А вдруг он ушел или его нет дома?

— Вдруг да вдруг, сходи лучше посмотри, старик с газетами пришел?

Борька побежал к выходу, там обошел вокруг киоска и бегом вернулся назад:

— Нет его.

Генка приподнял предостерегающе руку и шепнул:

— Вон, идет.

Борька взглянул в ту сторону, куда смотрел Генка, и увидел мужчину в белом костюме. Очки, шляпа — все как рассказывал Генка. В левой руке он нес черную трубку, Борька забыл, как она называется, но точно знал, что в ней носят чертежи.

— Пойдем по скверику, — изменил план Генка, и они пошли по дорожке, изредка нагибаясь, чтобы из-за лист-

вы не потерять его из виду. Тот подошел к перекрестку, посмотрел в сторону, где обычно сидит старик, и, не обнаружив его, двинулся к остановке. Генка толкнул друга локтем:

— Идем скорей.

Из-за угла выворачивался первый вагон трамвая.

На остановке среди народа они приблизились к нему и им удалось увидеть его лицо: прямой, с небольшой горбинкой нос, обыкновенные губы, а на подбородке резко выделялась ямочка. Глаза закрывали темные очки.

Он не спешил, ждал, когда войдет основная масса народа. Но вот стало посвободнее, он шагнул к двери. Ребята поспешили за ним. Сзади втиснулись два парня, и Борька уткнулся носом прямо в спину «Незнакомца». Генка стоял рядом и шептал:

— Подвинься. Ты на моей ноге стоишь.

Борьке кое-как удалось сдвинуться в сторону. В такой тесноте они проехали две остановки. У кино «Ударник», взглянув в открытую дверь, «Незнакомец» резко повернулся и вышел. Друзья посторонились, но едва он отошел на несколько шагов, бросились следом. Однако здесь их ждала большая неприятность: он купил газету в киоске, что стоял рядом, и быстро вернулся в вагон. Не успели они и глазом моргнуть, как дверь закрылась и трамвай двинулся дальше. Борька с удивлением взглянул на своего друга. Тот смотрел вслед трамваю. Глаза выражали отчаяние, уголки рта опустились вниз, а ноздри слегка шевелились. Переведя взгляд на Борьку, произнес:

— Эх, какие мы с тобой дураки! — потом дернул его за рукав.

— Бежим! — И кинулся через трамвайные пути. В тот момент, когда он ступил на проезжую часть дороги, Борька схватил его за рубаху и дернул назад: фыркнув, пронесся «Москвич».

— Вот чертовщина! — вырвалось у Генки, а когда очутились на другой стороне улицы, крикнул:

— Через дворы, к мосту! — Он решил опередить трамвай, пока тот огибает сад у клуба.

Минутя качалки, грибки и песочницы на территории детского сада, они перемахнули через невысокий забор и очутились во дворе, заваленном пустыми ящиками. Лавируя между ними, они наконец выскочили на улицу.

Трамвай уже показался из-за поворота. Мальчишки побежали к мосту изо всех сил, но трамвай все-таки их опередил. Однако они нагнали его на остановке и успели втиснуться. С большим трудом друзья продвинулись вперед и наконец увидели его у передней площадки. Как ни старались, протиснуться им удалось только до середины вагона.

Трамвай переехал мост, миновал остановку у гастронома и повернул на улицу Гоголя. Сзади подпирали, очевидно, на очередной остановке входило больше, чем выходило. Получилась давка, и Борьке пришлось встать у окна, впереди старушки, которая убрала корзину к себе на колени. Генка, вытянув шею, наблюдал за выходящими пассажирами. Вдруг он толкнул Борьку в плечо:

— Уходит! — и, не обращая внимания на возмущения пассажиров, стал отчаянно пробираться к выходу. Борька понял, что ему не выбраться, и прильнул носом к окошку. «Мужчина в синем костюме, женщина, еще женщина, — обшаривал он глазами выходящих, — парень в клетчатых брюках, а вот и он! «Незнакомец» отходил от трамвая, держа футляр подмышкой, сворачивал газету. Его фигура в белом костюме была хорошо видна среди прохожих. Трамвай тронулся. Генки среди выходящих не было. «Не успел», — понял он и снова отыскал среди прохожих фигуру «Незнакомца», но в этот момент перед глазами возник густой зеленый куст. Борька непроизвольно замотал головой, пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь листву. Куст так же внезапно исчез. Скосив глаза, насколько это было возможно, он увидел, как тот поднимается на какое-то крыльцо. Теперь надо было спешить к выходу.

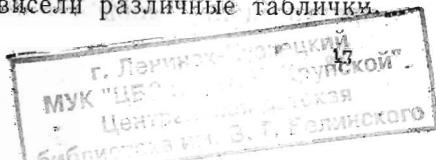
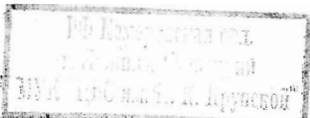
— Ох и шляпы же мы с тобой! — сказал Генка, когда они вышли из трамвая на следующей остановке.

— Ничего, Генн, я заметил, куда он зашел, — обрадовал его Борька. Тот удивился и предложил:

— Побежали!

Вскоре они были у двухэтажного серого здания с невысоким крыльцом и застекленными дверями. На стене висели две вывески «Городское коммунальное хозяйство» и «Сберегательный банк. Отделение № 27/14».

Они вошли в довольно просторный коридор со множеством дверей, на которых висели различные таблички.

Поминутно оглядываясь, они стали читать вывески. «Водоканал», «Бухгалтерия», «Техотдел». При каждом удобном случае, когда дверь кто-нибудь открывал, пытались заглянуть внутрь. На последней двери, по правой стороне, была самая длинная надпись, где крупно было написано: «Бюро...», но их внимание привлекла лестница на второй этаж. Они посмотрели друг на друга.

— Поднимись, я у входа подожду, — шепнул Генка.

На втором этаже дверей было еще больше. Борька прошел вдоль одной стороны, заглядывая в открытые двери и читая таблички на закрытых. «Все равно не запомнить!» — решил он и бросил читать. В тех кабинетах, куда ему удалось заглянуть, «Незнакомца» не было. Он походил еще немного, но когда одна из проходивших женщин спросила: «Ты кого ищешь, мальчик?» — он не нашелся, что ответить и, бросившись к лестнице, сбежал вниз.

Генки ни у входа, ни на крыльце не было. Выйдя к краю тротуара, он посмотрел в одну и другую сторону: ни Генки, ни «Незнакомца» не увидел. «Наверно, он пошел за ним» — сделал он вывод и, не зная, что предпринять далее, побрел в сторону дома.

Ясно представил себе, какие ждут его неприятности за вчерашний самовольный уход, и настроение у него испортилось окончательно.

Глава 3

ПЕРВЫЕ ИТОГИ

К великой радости Борьки его не особенно ругали. Бабушка вообще не сердилась, а мать, когда пришла на обед, конечно, возмутилась его поступком и даже сказала: «Никаких больше ночевок!». Но после того, как он ей сказал: «Вот если бы я один ночевал, Генку бы обязательно отпустили», она, расспросив его, где эта тетя живет и на чем они спали, согласилась с его просьбой. Однако предупредила, чтобы ужинал дома и помогал бабушке.

Та его поддержала, так как он до обеда успел сходить в магазин за хлебом и сметаной. Там у дверей он прочитал объявление, что какой-то Тюпкин по улице Нестерова, 21, продает породистых щенков. И вот после обеда, когда понял, что мать уже не сердится, сказал ей об этом объявлении. Но она строго заявила:

— Это бесполезный разговор, Боря. Нам собака не нужна!

— А мне нужна! — закричала сестренка.

— Хватит на эту тему! — строго предупредила мать, и Борька понял, что лучше помалкивать, иначе может обернуться худшим.

Как только мать ушла на работу, он побежал к другу. Пролезая сквозь щель в заборе, он заметил, что дверь Генкиного сарая открыта. Услышав шаги на лестнице, тот появился в дверях.

— Ты куда пропал? — сразу спросил Борька.

— Садись. Сейчас расскажу. Я уже все записал, — и показал тетрадь, которую до этого держал за спиной. — Понимаешь, — он опустился рядом с ним на порог, — только ты поднялся наверх, как он вышел из того кабинета, с табличкой «Бюро».

— «Техническое», — вставил Борька.

— Похоже, но там еще что-то было написано. Надо будет название точно в тетрадь записать. Придется туда еще съездить. Это ведь важно, где он бывает.

— Конечно, — согласился Борька. — А дальше?

— Дальше... Он выходит, и прямо на крыльцо. Я — за ним. Он спустился, а навстречу ему дядька. Поздоровались за руку. Я отвернулся, а сам слушаю, о чем они говорят. Тот, другой, спрашивает:

— Вам куда, Николай Петрович, могу подвезти.

А он:

— Я в «Гражданпроект», здесь недалеко. Спасибо. Тот сразу в машину и уехал. Синяя такая «Волга» номер 40-15, жалко буквы не запомнил. А этот пошел пешком. Я — за ним. Свернул на Молодежную, а там второй дом от угла — этот самый «Гражданпроект». — Он — туда. А я ждал-ждал, наверно, с час, не дождался и поехал домой.

Скрипнула лестница, и через мгновение появилось улыбающееся лицо Витьки Войтова:

— Привет! А что это вы тут делаете?

— Любопытной Варваре нос оторвали, — грубовато ответил Генка, спрятав руку с тетрадкой за косяк двери. Витькина улыбка исчезла. Он привалился к перилам:

— Да я так спросил.

— Ты чего хотел? — уже более дружелюбно спросил Генка. Витька оживился и рассказал, что молоканские пацаны, живущие около молокозавода, вызвали сыграть в футбол, а ближние ребята разъехались кто куда, вот и пришел.

— Когда играть? — спросил Борька.

— Завтра в десять, на заводском пустыре. Генка вдруг спросил, какой завтра день: «Суббота?».

Суббота, — подтвердил Борька.

— Тогда можно сыграть, — заключил Генка.

— В субботу можно, — подхватил Витька, — у них тот, длинный Гонка, который куется по ногам, по субботам ходит на какой-то кружок в дом творчества.

— Ладно, придем, — за обоих ответил Генка и встал, показывая этим, что разговор закончен. Витька распрощался и убежал.

— Генн, мы разве завтра утром не будем его ждать? — спросил Борька и добавил, — я ведь у мамки отпросился.

— В субботу он, наверно, не работает. Поэтому мы с утра посмотрим, если что... В общем, видно будет.

Борька поднялся, отряхнул брюки и вдруг вспомнил: — Дай прочитать, как ты записал.

Генка нагнулся, поднял тетрадь, которую спрятал от Витьки, и протянул ему со словами: «Там все четко!».

Прочитав написанное, Борька подтвердил:

— Все, как было. Вот и имя теперь знаем. И о его приемчике точно. Генка взял тетрадь, похлопал ею по ладони и сказал:

— Так все шпионы делают, когда хотят от преследования избавиться. Вот и он. Вышел из трамвая, а мы, как дураки, оба раз—и за ним, а он раз—и назад в трамвай. А мы с носом. Надо было кому-то одному выходить. Хорошо, догнали.

— Генн, а сейчас что будем делать?

— Ты съезди в ту контору и запиши на бумажку название того бюро, а я еще раз схожу за биноклем, потом к дядьке пойду. У тебя деньги есть?

— Нету. Да тут через пустырь недалеко.

— Ну, жми! Вечером встретимся, часов в шесть.

Глава 4

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Была половина девятого, когда Борька, поужинав и выслушав все наставления матери по поводу поведения в чужой квартире, выскочил за дверь. С крыльца он кинулся к заветной лазейке в заборе, но, вспомнив, что надо идти прямо на квартиру к Генкиной тете, повернул к калитке. Вечер был тихий, безветренный. На небе теснились густые облака, но к западу они редели и сквозь них прорывались яркие снопы заходящего солнца. Розовато-желтый свет заполнял весь город. На улице было довольнолюдно. На одной стороне улицы толпились несколько парней. Один из них рассказывал, очевидно, что-то смешное, потому что оттуда то и дело слышался громкий смех. Борька тут же вспомнил, как он в шесть часов прибежал к Генке. Он показал свою записку с точным названием того «Бюро», тот похвалил его, но сказал, что запишет потом, и показал бинокль, который все-таки дали. Они по очереди рассматривали в него все, что было видно из окна, но тут пришел Генкин брат Николай и бинокль спрятали под подушку. Тот поздоровался и стал переодеваться, подшучивая над ними:

— Вот ты, Борька, был на турбазе, а Генка у нас кота пасет. Ты, Шварцнегер несчастный, так и будешь ездить на своем драндулете две шестерки.

Дело в том, что Николай работал шофером и ездил на старом газоне. Стоя в одних трусах и легко выжимая двухпудовую гиру, ответил:

— Разведка плохо работает. На ней давно Мишка ез-

дит. — Потом он пошел в ванную и по дороге крикнул:

— Мама, найди белую рубашку!

Та ответила:

— Сейчас! И вскоре скрипнула дверца шифоньера, а из кухни послышался голос Николая:

— Ребя! Зайдите-ка на минутку!

Когда они вошли, он стоял и держал в руках столешницу, на которой возвышалась горка муки и он ее тщательно нюхал.

— Ты чего? — удивился Генка.

— Кажется, керосином пахнет, а может, мне только кажется? Ну-ка понюхайте. У вас, наверно, нюх лучше, — и он протянул столешницу. Они враз нагнулись над мукой и потянули ноздрями. В этот момент Николай приподнял столешницу и их физиономии оказались в муке. Он захохотал, поставил столешницу на стол и выскочил из кухни. Борька тоже расхохотался: на белом, как у клоуна, лице Генки виднелись только темные пятна глаз, точки ноздрей и открытый от неожиданности рот. А тот засмеялся над ним.

— Что это такое?! — всплеснула руками мать, заходя на кухню.

— Это Колька, паразит! — выкрикнул Генка и побежал к ванной. Там он с силой забарабанил в дверь.

— Придется обождать, бледнолицые братья! — слышалось из-за нее. Потом дверь неожиданно отворилась и Николай, увертываясь от наскоков Генки, проскочил в комнату. В ванной, прежде чем умыться, они еще посмеялись, корча рожи у зеркала.

Несмотря на все проказы, Генка гордился братом: тот был чемпионом городского общества «Труд» по боксу. Отчасти из-за него он пользовался авторитетом у ребят. Его, как и брата, сокращая фамилию «Поваров», звали «Поваром».

Перед Борькиным уходом, когда они обо всем договорились, в коридор вышел Николай, а следом в дверях кухни показалась мать:

— Коля, тут на днях по телевизору одного афериста показывали. Ишут.

— И как рожа? — спросил тот, надевая туфли.

— Да как сказать. Глаза глубоко под бровями и ямочка на подбородке, а так обыкновенное лицо.

Генка подтолкнул Борьку, и, едва успев попрощаться, оба оказались на лестничной площадке.

— Ямочка на подбородке, чуешь? — рассудил он. — А глаза...темные очки, и все. Борька вдруг сообразил:

— Он же мог же бороду отпустить, и все.

— Мог, конечно, — согласился Генка, — но посмотри. Пока, будь в девять.

Не доходя до перекрестка, он перебежал улицу и пошел вдоль штaketной ограды к магазину «Промтовары». Обогнав женщину, идущую впереди, он вдруг заметил среди других прохожих мужчину с очень знакомой походкой. «Неужели «Незнакомец»? — промелькнула мысль. Тот шел без шляпы и очков, в левой руке у него была папка. Борька замедлил шаг, пропустил вперед женщину и решил, скрываясь за ней, рассмотреть его получше. «Может, и не он», — возникли сомнения. Он смотрел в разные стороны, будто разыскивая кого-то, и только когда тот приблизился, посмотрел на него очень внимательно. «Походка точь-в-точь, прямая, подбородок с ямочкой, нос, губы. Он, — уверил себя Борька и взглянул на него уже сбоку. Глаза светлые, смотрел далеко вперед и, казалось, не замечал ничего вокруг. Русые волосы зачесаны назад. Нет, глаза у него нормальные. Никакой он не этот... как его... — Борька забыл слово, которое назвала Генкина мать, — в общем не бандит».

Он остановился. Пожалев, что рядом нет его друга, развернулся и пошел за «Незнакомцем», сделав вывод: «Раз пешком, значит, недалеко. Проверю, куда направляется».

На улице Нестерова «Незнакомец» повернул в сторону старой автобазы. Прохожих здесь было мало, и Борька отстал, а потом перешел на другую сторону. В некоторых окнах появился свет. Улица с темными, нахохленными от времени деревянными домами, выглядела уныло. Только приземистое светлое здание хлебного магазина и два двухэтажных дома, выкрашенные в салатный цвет, оживляли ее. Правая сторона улицы заканчивалась у забора, рядом с гаражом, который выступал до середины улицы, оставляя узкий проход к реке.

«Здесь он далеко не уйдет, некуда», — заметил Борька.

Возле «хлебного» «Незнакомец» задержался у освещенного окна, посмотрел на часы и двинулся дальше. Минувая один из двухэтажных домов, он остановился у покосившихся, щербатых из-за выбитых досок ворот и посмотрел на номер дома. Затем оглянулся и вошел в распахнутую калитку. Борька перебежал улицу и подошел к воротам. В проходе между домами и дальше — никого. Не раздумывая, шагнул в калитку и, дойдя до угла бревенчатого дома, осторожно заглянул во двор — никого. Едва он сделал еще шаг, как над головой что-то занурило. Он прижался к стене и осторожно посмотрел вверх. На углу дома, зацепившись за бревно, сидел черный кот «Кис, кис», — позвал Борька, но тот полез вверх.

Широкий, на два кирпичных дома двор, с одной стороны замыкал длинный ряд сараев с пристройками и надстройками, а с другой — небольшая избушка с двумя окошками, вросшая в землю по самые наличники.

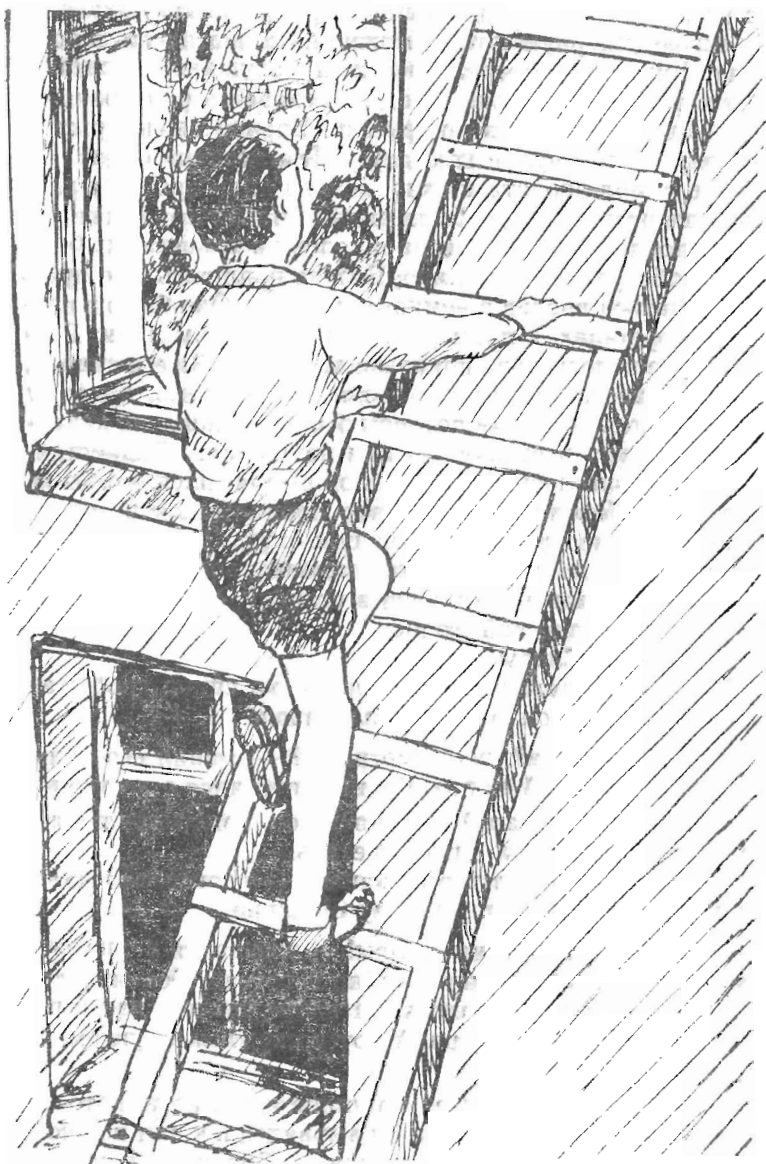
Хлопнула дверь. Борька прижался к углу. От одного подъезда двухэтажного дома к другому шел «Незнакомец». Подождав, когда за ним закрылась дверь, Борька быстро подбежал к подъезду. Наверху звякнул звонок и в крайнем окне второго этажа загорелся свет. Затем стукнула дверь и через распахнутые створки окна до Борьки донесся разговор двух мужчин, из которого он понял только возгласы: «Август!», «Эдуард!» и через промежуток — «Николай!». Потом еще какие-то слова, которые он не разобрал.

Из дальнего подъезда соседнего дома вышла женщина. Борька спрятался за приоткрытую дверь. Она выхлопала половник и вернулась назад.

Загорелся свет в другом окне. Оно тоже было открыто, но задержано толевой шторой. Оттуда доносились обрывки фраз, но он не понял ни одного слова. «Наверно, отошли в глубины комнаты», — сделал он вывод. Тут его внимание привлекла деревянная лестница. Вела она на крышу к чердачным дверям, а стояла чуть в стороне от раскрытого окна.

И как я раньше ее не заметил? — удивился он и огляделся. По-прежнему — никого.

Первая перекладина слегка скрипнула, и он замер, ступил

Разговор был хорошо слышен, но ни одного слова он разобрать не мог.

на вторую — тихо. Поднялся на нужную высоту так, чтобы сквозь ажурную штору можно было заглянуть в комнату. Еще раз осмотрел двор и прислушался. Разговор был хорошо слышен, но ни одного слова он разобрать не мог. Говорили явно не по-русски. Борька выдвинулся в сторону и заглянул в комнату. «Незнакомец» сидел в кресле, в пол-оборота к окну, хозяин квартиры — в глубине комнаты так, что были видны только его худые руки на подлокотниках кресла и колени в темносиних брюках. Чтобы увидеть его лицо, Борьке пришлось еще чуть-чуть податься вперед и немного присесть. Оно было в глубоких морщинах, с прямым носом и высоким лбом. Редкие седые волосы едва прикрывали голову. За его спиной, на стене, висела картина в позолоченной раме, а в углу комнаты стоял стол, на котором была установлена какая-то аппаратура и сверху лежали наушники. «Радиостанция!» — пронеслось у Борьки и он выпрямился, чтобы не свалиться. Непонятный разговор продолжался и только одно слово «не блестяще» резануло слух. Он вновь решил заглянуть во внутрь, но в тот момент, когда ухватился покрепче руками и потянулся в сторону, снизу раздался резкий мальчишеский голос:

— Эй, ты! Слазы!

Борька обернулся на голос и по его спине пробежал холодок: там стояло трое мальчишек.

— Слезай, слезай, чего смотришь? — манил его пальцем самый высокий из них. Борька спустился с лестницы.

— Тебе чо там надо? — спросил он, подступая поближе. Борька не знал, что ответить.

— Ясно что. За голубыми пришел, — проговорил мальчишка со шрамом на вытянутом лице.

— Дай ему, Кыля, по соплям! — вмешался в разговор самый маленький, в одной майке и трусах. Борька ясно понял, что сейчас поколотят, и вдруг увидел, как в полосе света пробежал черный кот и скрылся за углом. И тут его осенило:

— Какие голуби? Я шел по улице и нес кота, которого нам отдала моя тетя, а он вырвался и к вам во двор. Я за ним, а он по лестнице и туда, — Борька показал головой на крышу.

— Какой кот! — скривился недоверчиво со шрамом.

— Ну, говорю, кот, — стоял на своем Борька.

— В натуре? А какой? — спросил высокий.

— Большой! Во! — и Борька развел руками, — белый, пушистый с розовым носом, — начал он расписывать приметы кота Генкиной тети.

— Он же голубей Васькиных пожрет! — высказал опасение мальчишка в майке.

— Айда наверх, — пригласил Борьку с собой высокий.

На чердаке было темно. Послышалось уканье голубей. Кто-то включил лампочку. Прямо перед собой Борька увидел большую клетку со множеством дверок, некоторые были открыты. Голуби зашевелились, и сразу послышалось воркование. На двух стропильных перекладинах тоже сидели голуби. Слева и справа от клетки валялись запыленные доски, поломанные табуретки, стулья и другая рухлядь.

— Смотрите по углам, — скомандовал Длинный, как его мысленно прозвал Борька. Двое из них полезли в глубь чердака. Борька, делая вид, полез тоже, но в противоположную сторону. Надеясь, что они разбредутся по чердаку, а он сумеет удрать. Повернув назад, увидел что Длинный сидит на месте.

— Разве здесь его найдешь! — Борька опустил ся рядом с ним на чурбан.

— Найдешь, у котов всегда глаза в темноте светятся, — ответил тот. За спиной послышалось сопение и голос маленького.

— Коль, а может, он где на крыше притаился?

Выбрались на крышу. Борька поднялся к высокой антенне и, держась за холодную трубу ее стойки, осмотрелся. Было почти темно. У горизонта небо треснуло багровым просветом. Снизу на него накладывался темный силуэт города, украшенный россыпью огней.

— Нету здесь никакого кота, — донеслось до него.

— Куда он мог запропасться? — удивился мальчишка в майке, поеживаясь от прохлады.

— А никуда. Его вовсе не было, — послышалось со стороны, где стоял средний из них.

— Зачем мне обманывать, — отозвался Борька, спускаясь к лестнице.

— Поживей, поживей спускайся, — торопил Длинный. Борька оглянулся. Все они стояли у лестницы и ждали его, а от избушки к ним бежал еще один. «Сейчас обязательно отлупят», — решил он и спустился с лестницы.

— Кого припутали? — расталкивая приятелей, спросил подбегавший. Его скуластое лицо, возникшее в свете окна, показалось Борьке знакомым.

— За голубями лез, а говорит: кот убежал — пояснил мальчишка со шрамом.

— Я правду говорю. Вырвался и убежал, — стоял он на своем. Скуластый внимательно посмотрел на него и повернулся к Длинному:

— Я, Кыля, знаю его. Он с «Поваром» дружит.

— А за голубями лез, — вытянул шею самый маленький.

— Зачем мне голуби? Я их не держу, — почувствовал поддержку Борька.

— Ребя, он же меня тогда выручил, когда на билеты не хватило. Ну, гад буду! Пусть идет, — предложил новенький.

— Если выручил, — протянул Длинный, — пусть шмаляет, только в следующий раз, чтобы кота покрепче держал.

Мальчишка со шрамом отступил в сторону, давая ему дорогу, и бросил: «Топай!».

Борька нерешительно двинулся вперед и, чувствуя какую-то неловкость, выдавил из себя: «До свидания!» — отчего его охватила еще большая неловкость и он прибавил шаг.

— Пока, — ответил скуластый.

— Бывай! — прохрипел в спину Длинный. Остальные промолчали.

Борька вышел за ворота и припустился бежать.

Глава 5

НА ПУСТЫРЕ

В небе клубились пушистые облака с небольшими голубыми просветами, в которые время от времени проглядывало солнце. Ветер чуть шевелил листву на тополях.

Борька стоял у окна и с восторгом рассматривал эти облака из бинокля. Настроение у него было приподнятое. Во-первых, вчерашняя удача с «Незнакомцем». Генка, конечно, был удивлен, а когда выслушал весь рассказ, сделал вывод, с которым Борька сразу согласился: «Август» — это пароль при встрече, а то, что они разговаривали не по-русски, еще раз подтверждает, что они все-таки шпионы. Во-вторых, проснулись они по звонку будильника, значит, не зря он его принес — могли проспать, так как пока он рассказал, а потом все записали в тетрадь, которую Генка принес с собой, легли поздно.

Борька перевел бинокль на угол дома, из-за которого вышел вчера «Незнамец», так, на всякий случай. Сегодня они его не ждали. Просто Генка сказал: «До полдесятого посмотрим и пойдем на пустырь, как и обещали». Около угла прошло несколько человек, большей частью женщины. Борька снова перевел бинокль на облака, но повернул его другой стороной:

— Генн, а так — далеко, далеко!

— Ну-ка, — заинтересовался тот и протянул руку, но вдруг ткнул его локтем в бок: — смотри, дед приволокся.

Борька взглянул и увидел, что старик уже установил складной столик и сейчас раскладывал на нем газеты и журналы. «Как я его не увидел?» — удивился Борька и произнес:

— Интересно, придет тот сегодня или нет?

— Вряд ли, — усомнился Генка, — старик-то каждую субботу сидит, а тот?.. Кто его знает... Ты пока посмотри, а я кружки сполосну и сбегаю мусор вынесу.

Посмотрев еще раз на старика, Борька перевел би-

поклон на угол дома и установил резкость: проходили самые разные люди, но «Незнакомца» не было. Он перевел бинокль на один из балконов: маленькая девчонка в красном платице высунула куклу между прутьями. «Уронит кому-нибудь на голову!.. Убрала!.. пошла домой. Позвали, наверно». На другом балконе сидел пес: «О, прямо собака Баскервиль! Черный, щеки болтаются. Тоже на улицу смотрит!.. А что же наш старик!..?» — Борька опустил бинокль. От неожиданности он чуть не вскрикнул. К старику не спеша подходил «Незнакомец». Он был в том же костюме, что и вчера. «Ох, и шляпа я!» — обругал себя Борька, наводя резкость. — Во! Наконец-то! — Появилось лицо «Незнакомца», галстук... Борька опустил бинокль: и так видно.

«Незнакомец» подошел к столу, кивнул головой и улыбнулся, очевидно, поздоровался, потому что старик тоже закивал головой и стал вытаскивать газеты из стопок. Тот показал на журнал. Борька поднял бинокль: старик взял журнал «Огонек», положил на него газеты и протянул «Незнакомцу». Согнув стопку пополам и зажав ее подмышкой, достал бумажник и стал отсчитывать деньги. В бинокль было видно, как его рука протянула деньги старику и возвратилась назад. Указательный палец открыл другое отделение и вытащил белый пакетик. «Как порошок с аскорбинкой» — мелькнуло у Борьки Мгновение, и пакетик очутился в руке старика. Тот заулыбался, закивал головой и отправил его в нагрудный карман.

Хлопнула входная дверь.

— Генн, скорей! — крикнул Борька.

Громыкнуло ведро, брошенное у порога, и тот оказался рядом.

— Смотри. Он пришел и уже передал бумажку старику, — приглушил голос до шепота Борька.

Генка выхватил у него бинокль и направил его на «Незнакомца», который в это время кивнул старику и пошел.

— Ты что, проглядел?! Как увидел, надо было сразу за мной, как раз бы успел.

— Да я его там, на той стороне, смотрел, а он раз — и нарисовался, — оправдывался Борька. Генка смотрел на «Незнакомца» до тех пор, пока тот не скрылся из виду.

— Домой пошел, — сообщил он, — А бумажку старик в нагрудный карман положил? Борька подтвердил: «Гам кончик видно».

— Да, Борька, надо обязательно, чтобы один отсюда смотрел, а второй рядом был и слышал, о чем они говорят.

— Они при посторонних не будут разговаривать.

— А можно за ларек встать — все будет слышно.

— Тогда другое дело. Жалко, их вчера не было, мы бы все узнали.

— Ну, не все, а кое-что узнали бы, — Генка подошел к столу и, положив бинокль, сказал: — Сегодня вряд ли он появится. Вечером или после игры запишем, а сейчас бежать надо, раз обещали.

* * *

Первый тайм закончился вничью 1 : 1. Сначала молоканские забили, а потом Колька отквитал.

Во время перерыва, как обычно, было шумно. Егорчик возмущался, что Костя, которого уговорили судить, подсуживает молоканским, но с ним не согласились. Колька упрекнул Борьку за то, что он мало бегаёт, но сегодня он спорить не стал. Сережка допытывал Людку, сестру Витки Войтова, которая, как хвостик, всегда ходила с братом и везде таскала с собой фотоаппарат.

— Ты сфотала, как мы им плюшку заколөтили?

— Мы пахали.

— Я же не про себя, а вообще, — не отставал он.

— Вообще сфотала, но ты в кадр не попал.

— Чудик ты, Людка, — покачал он головой, — а между прочим угловой я подавал.

— Ну и что? — невозмутимо продолжала она и вдруг радостно закричала: — Смотрите! Санька бежит!

Его появление всех обрадовало. Кто-то произнес:

— Тогда мы их сегодня раскатаём!

В начале второго тайма сначала Колька, а затем Санька забили по мячу молоканским, да и потом игра проходила на их половине поля. Правда, в середине тайма к ним пришел Гошка, но то ли молоканские пали духом, то ли вообще у них перестала ладиться игра, но с его при-

ходом мало что изменилось. Вскоре Валерка забил еще один гол.

Борька старался бегать как можно больше, но мяч к нему попадал очень редко. Наблюдая за тем, как Санька ловко обвел их защитника и паснул Валерке, Борька вдруг остановился как вкопанный: на краю поля стоял их «Незнакомец» и наблюдал за игрой. «Вот здорово, — подумал Борька, — что ему здесь надо?». Одет он был в серые брюки и спортивную куртку. На голове светлая шляпа, на плече висел фотоаппарат. Борька отыскал глазами Генку и понял, что тот тоже заметил «Незнакомца».

Неожиданно около Борьки хлопнул мяч, и он бросился к нему, но раньше у мяча оказался Рыжий и переправил его ему за спину, где оказался Зот. «Ох, сейчас прорвутся! И все из-за меня», — подумал он, но на его счастье Мишка выбил мяч у того из-под ног.

— Ты чего спишь, раззява?! — услышал он Сережкин голос. Хотелось огрызнуться, но, чувствуя вину, промолчал.

«Незнакомец» обошел поле и двинулся дальше, в глубь пустыря, остановившись у небольшой канавы, снял фотоаппарат с плеча и стал смотреть в разные стороны.

Стараясь следить за игрой и за ним, Борька снова отыскал взглядом Генку, который, прихрамывая, уходил с поля. Усевшись на краю, он стал расшнуровывать кед. К нему подошла Людка, и он поднял голову.

«Незнакомец» тем временем поднял фотоаппарат и стал фотографировать, поворачиваясь в разные стороны. Потом, не закрывая футляр, обошел канаву и пошел дальше.

Борька снова прозевал мяч, но на этот раз дело обошлось совсем плохо: Гошка подхватил его, пробежал еще метров пять и пробил по воротам; Витька прыгнул, но не достал. Мяч влетел в ворота. «Гол. И все из-за меня», — огорчился Борька.

— Ты чего сегодня как столб стоишь? — закричал на него подбежавший Мишка. — Я что ли за тебя играть должен?

— Да, он спит на ходу! — вставил, пробегая рядом, Сережка.

Начали с центра, но на Борькино счастье засвистел

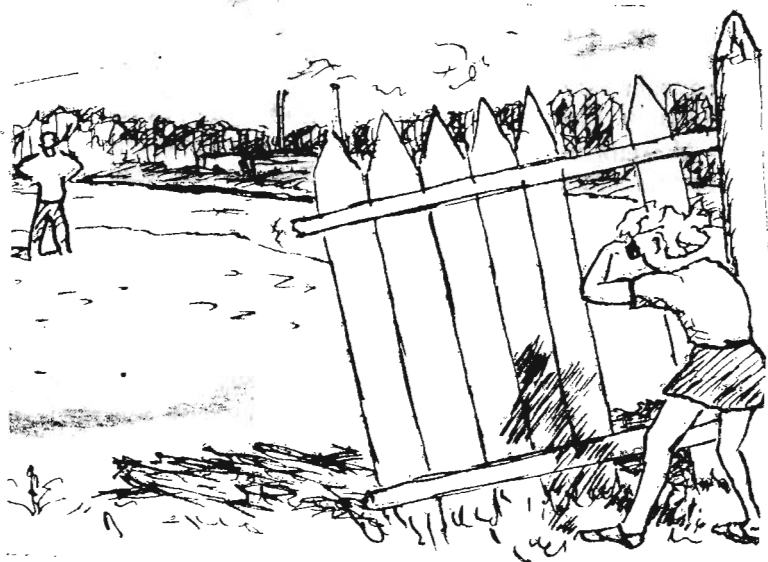
Костя, и игра кончилась. Все двинулись к краю поля. Молоканские предлагали продолжить игру, но Колька, их бессмертный капитан, не согласился. Кто-то еще ругал Борьку за последний гол, но мысли его были заняты другим, и он помалкивал. Только Кольке возразил:

— Зачем кричать? Ведь выиграли 4 : 2.

На что тот возмутился:

— А могли бы 4 : 1.

Чтобы его меньше упрекали за эту оплошность, он отошел в сторону. «Незнакомец» опять фотографировал. «Вот паразит! Он, кажись, завод за рекой снимает», — определил Борька. Подошел Генка и тихо шепнул:

— Видишь? Фотает.

— Вижу.

— Ничего. Его сейчас тоже щелкнут.

— Кто? — тут Борька заметил, что вдоль старого заводского забора крадется Людка. — Ты что, ей все рассказал?

— Зачем? Пойдем одеваться, — сдвинул ему локоть Ген-

ка, — потом скажу. Когда одевались, он ему шепнул:
— Давай побыстрей, уходит, — и, застегнув джинсы, обратился ко всем:

— Пока, ребя! Мне скорей надо.

А на ходу, между прочим, бросил:

— Борька, идем, я тебе книжку отдам!

Тот понял друга. Крикнул: «Иду!» — и побежал догонять его, заправляя на ходу рубаху.

У первого дома Генка замедлил шаг:

— Пусть отойдет подальше, — Борька нагнулся ослабить шнурок у кеда и спросил:

— Так ты что ей сказал?

— Людке, что ли? А я ей свистнул, что это один знакомый дядька. Часто к отцу приходит. Так ты, говорю ей, незаметно его щелкни, а я тебе кубинскую марку достану. Ты ведь знаешь, они с Витькой марки собирают. Она сразу согласилась.

— Знаю. Но где ты теперь такую марку достанешь?

— У меня есть. Дядька молодым на Кубе служил и присылал папке оттуда письма. Пойдем, он уже далеко ушел.

«Незнакомец» шел не торопясь, и они быстро его догнали. Благодаря своему росту и светлой куртке он был хорошо виден среди прохожих. Миновав Заводскую, у промтоварного магазина остановился, посмотрел на что-то в витрине и двинулся дальше. Уже на Садовой, недалеко от овощного ларька, ему навстречу появился толстый, невысокого роста мужчина в кожаной куртке и серой кепке. Они остановились и протянули друг другу руки. Ребята ускорили шаг, но когда подошли настолько, что можно было что-либо услышать, те распрощались и пошли каждый своей дорогой. Генка шепнул:

— Иди за нашим. Если он домой, догоняй меня. Я за этим посмотрю. В случае чего... Увидимся у нас, после обеда.

Борька согласно кивнул головой и пошел за «Незнакомцем», который продолжал идти по направлению к дому. Борька проводил его до подъезда и как только тот вошел, бросился бежать назад, надеясь догнать Генку. Но догонять не пришлось, тот махал ему рукой, стоя у входа в сквер.

Генка сказал, что толстяк зашел во второй подъезд розового дома. Борька заторопился домой:

— Скоро мамка на обед придет.

— Ладно, — согласился его друг, — беги, а я зайду все запишу да посмотрю, может, этот толстый появится. Этот дом из окна хорошо видно. Встретимся у меня часа в три—четыре.

Глава 6

«ТОЛСТЯК»

Проводив взглядом убегающего друга, Генка направился на квартиру тети. Сбросив куртку, он умылся и, быстро перекусив печеньем с молоком, сел записывать в тетрадь обо всем, что произошло с утра, начиная с переданной бумажки. Однако в голове все крутилась мысль: «Что это за подозрительный «Толстяк»? Положив ручку, Генка взял бинокль и подошел к открытому еще с утра окну. Старика-продавца не было. По улице шло не очень много народа и разглядеть людей можно было и без бинокля, но он все же поднял его и стал всматриваться в прохожих. Это ему быстро надоело. «Надо садиться писать да идти домой», — решил он и уже опустил бинокль, когда вдалеке появилась фигура тоже полного мужчины в светлом костюме. «Не тот» — сразу решил Генка, но на всякий случай поднес бинокль к глазам. Подкрутил резкость, и все же его взяли сомнения: «Похож?.. Непохож?». Подождал, когда тот подойдет поближе, и посмотрел еще раз. «Он! Точно он! Переоделся, паразит!» — мысленно обозвал он его и, положив бинокль на стол, схватил ключ от квартиры и выскочил за дверь.

Выбежав на улицу, он его не увидел. Пробежал до угла дома, остановился и внимательно осмотрел всех прохожих — никого в светлом костюме не было. Решил повернуть и пройти до промтоварного магазина. Тот оказался закрытым — перерыв. Постоял, решая: «Идти дальше

до Чкалова или вернуться на Садовую?». Пошел дальше. У небольшого скверика остановился, так как сквозь листву кустов промелькнуло что-то светлое. Он зашел внутрь и увидел «Толстяка», который стоял в очереди у пивного ларька. Генка сел на крайнюю у входа скамейку и сделал вид, что кого-то ждет. Для этого он то и дело поворачивал голову в сторону выхода, но искоса поглядывал на ларек, где его «объект наблюдения» уже подавал деньги. Взяв две кружки пива, он встал у столика и, облокотившись на него, стал пить. В это время у входа остановился бортовой газик. Шофер вылез из кабины и, зайдя в сквер, направился к ларьку. На нем были брюки защитного цвета, в пятнах, и голубая футболка. Он был высокий, со светлыми длинными волосами. Когда Генка увидел, что тот подходит к «Толстяку», моментально сообразил, что делать. Он юркнул в кусты и по узкой боковой тропинке пробежал до ларька, где спрятался за кустом, как раз возле их столика.

«Толстяк» хриплым голосом сказал:

— Сегодня, часов в десять подъедешь.

— Куда поставить? — последовал вопрос.

— Там за пожарной есть тупичок. Подгони к забору и заглуши.

— Добре. Расчет на месте, как договорились.

— Пиво будешь?

— За рулем.

— Как зовут?

— Это ни к чему.

— Тогда бывай!

— Пока, — попрощался шофер и направился к выходу.

Генка быстро вернулся назад и сел на прежнюю скамейку. «Толстяк» продолжал пить пиво, а шофер сел в машину и та, скрежещущая, двинулась с места. Генка проводил ее взглядом, насколько позволили кусты, и тут только его осенило: «Номер!». Он вылетел из скверика и бросился бежать вдогонку за машиной. Когда подбежал на столько, что можно было разглядеть номер, машина уже поворачивала за угол. Успел увидеть первые две цифры — восемнадцать, и все. «Дурак!» — обозвал он сам себя и вернулся к скверу.

Тем временем «Толстяк» допил пиво и направился к выходу. Генка потоптался на месте, не смотря в его сторону, дожидаясь, когда тот его обгонит, и двинулся за ним. Минут за десять дошли до Заводской, а там он свернул в Кирпичный переулок и Генке пришлось отстать, так как тот направился к проходной молокозавода. Переговорив с каким-то прохожим, он скрылся в проходной. Некоторое время Генка походил взад-вперед в ожидании, не появится ли тот снова, а потом решил: «Проверю, о каком тупичке шел разговор». Он прошел под то полями, росшими вдоль переулка, оглянулся еще раз на проходную, на всякий случай направился к пожарке. Все трое ворот пожарной были открыты, и в глубине виднелись машины. Двое пожарников сматывали в бухту один из разложенных в стороне для просушки пожарных шлангов. Генка с любопытством понаблюдал за ними и двинулся дальше. Рядом стояло двухэтажное невзрачное здание с вывеской, на которую он не обратил внимания, потому что за ним увидел довольно широкий проезд. Повернув в него, он сразу увидел глухой забор, перегородивший проезд. «Точно, тупик», — заключил он. — похоже, о нем и шел разговор». В тупике стоял один бревенчатый дом под железной крышей, огороженный невысоким забором с новыми воротами. Напротив виднелись огороды, обнесенные поломанной оградой из жердей. Возле нее, прямо перед домом, лежала куча бревен и штабель досок.

Генка прошел дальше, к высокому забору в конце тупика, и стал искать щель, через которую можно было разглядеть, что за ним находится. Продвигаясь вдоль забора, он зацепился рукавом за гвоздь — раздался неприятный звук разорванной рубахи. Потрогав вырванный клочок, представил, какую взбучку предстоит получить от матери. Найдя наконец довольно широкую щель, прильнул к ней глазом. Он увидел недостроенное кирпичное здание с большими оконными проемами. Рядом лежали бетонные плиты, штабеля теса и какие-то ящики. Он понял, что это и есть строящийся новый цех молокозавода, о котором в городе уже давно ходили разговоры.

Окинув еще раз взглядом тупик, пошел назад. У проходной замедлил шаг, но из нее никто не появился. Выйдя на Заводскую, он повернул влево и более короткой дорогой направился к теткинскому дому: заторопился, так как теперь надо было записать еще и об этой встрече.

Глава 7

ТОЛЬКА

В три часа Генки дома не оказалось. Мать сказала, что он еще не приходил. Не было его и на квартире тети. Удрученный этим, Борька побрел домой. У ателье он остановился. Здесь надо было сворачивать к дому, но ему пришла мысль: «Зачем зря тратить время? Надо сходить и уточнить номер квартиры того старика, где вчера был «Незнакомец». Пошел прямо, но очень медленно, так как рассудил, что если его снова там увидят, — точно отлупят. «А за что? Да, может, во дворе никого не будет, и тогда легко прошмыгнуть в подъезд, — возразил он сам себе, — а если что, можно сказать: ищу Тюпкина, он где-то на этой улице живет».

Так рассуждая, он дошел до улицы Нестерова и остановился. «Нет. Поймают там — точно отлупят», — окончательно струсил он.

На противоположном углу, возле хлебного магазина, продавали мороженое. Около женщины в белом халате почти никого не было — две девчонки. «Купить? — промелькнула мысль, но он тут же ее отбросил, — нет, надо возвращаться. Генка, видать, делом занят, а я мороженое!».

В этот момент кто-то сильно хлопнул его по плечу. Он обернулся и замер от неожиданности: перед ним стоял и улыбался во все свое широкое лицо тот чернявый мальчишка, который выручил его вчера вечером. Видя Борь-

кино замешательство, он первый протянул руку:

— Привет!

— Привет! — В тон ему ответил Борька, высвобождая руку из его цепких пальцев.

— Ты что, опять своего кота идешь искать?

— Нет. Кот сразу прибежал. Я вернулся, он уже дома был, у тети, — продолжил он свою выдумку.

— Не свисти. Васька сегодня утром говорил, что бусого кошка сожрала. Борьке почему-то стало обидно за кота Генкиной тети, который ни в чем не был виноват, и он возразил:

— Нет. Я помню, когда от вас пошел, черный кот спрыгнул с угла дома.

— Черный говоришь?

— Весь черный.

— Тогда это тети Поли... Вот, чертяка, уже второго сожрал, а Васька не верит, — сбросив с лица озабоченность, улыбнулся:

— Тебя как звать?

— Борис.

— А меня Толька. Ты что, мороженое хотел купить?

— Нет, я шел... — начал было Борька.

— Шел, шел и встал, — перебил его новый знакомый.
— Я тебя издали заметил.

— Я шел... Понимаешь, тут один дядька щенка породистого продает, — стал выкручиваться Борька; — номер дома двадцать один. Я остановился — не знаю, в какую сторону идти.

— Двадцать один? — на мгновение задумался тот. — Так это Тюпкин дядя Володя продает. Это в ту сторону, за нами. А ты что, щенка хотел купить?

Борька кивнул головой.

— Пойдем, я покажу, — потянул он Борьку за рукав. Тому ничего не оставалось, как пойти за ним. Перейдя улицу, Толька остановился:

— Подожди, я мороженого куплю, — сказал и, не дожидаясь согласия, побежал к лотошнице. Вернулся с двумя стаканчиками. Один протянул Борьке:

— На. Пойдем.

— Мне не надо, — начал отказываться он, — у меня вот деньги есть.

— Бери. Деньги здесь ни при чем.

Борька взял мороженое, и они направились по уже знакомой ему улице.

— Ты меня тогда здорово выручил, незнакомого.

— Да ерунда это.

— Почему ерунда? Они мне во как нужны были, — и Толька провел себе пальцем по горлу, — Васька послал в ДК взять два билета на концерт, а билеты дороже оказались, мы три наскребли, а одной тыщи не хватает. Вот мы и побежали искать... а ты сидишь в скверике. Понял?

— Понял, — подтвердил Борька, вытирая кончик носа ладошкой.

— А сегодня у меня деньги есть. С утра было десять тысяч, а сейчас три осталось: с пацанами проели да жвачки покупали.

— Кто тебе столько дал?

— Никто. Тиснул у одной расфуфыренной тетки в трамвае.

— Тиснул?

— Ну да.

— Как тиснул? Украл что ли? — поразился Борька.

— А что? Нельзя? Плохо, да? — сощурил глаза новый приятель.

Борька в замешательстве от такого откровения не знал, что ответить, и промолчал.

— Да я у простой тетке или бабки ни за что не возьму, а у этих расфуфыренных... В общем пусть коробочки не открывают.

— Какие коробочки?

— Ты чо, чокнутый? Пусть не зевают в трамвае.

— Все равно. Это как-то нехорошо, — нерешительно заметил Борька.

— Ерунда это все! — хлопнул он его по спине. — Вон смотри, забор крашеный. Там и живет дядя Володя, пойдем.

— Он твой дядя?

— Нет. Раньше в нашем дворе жил, потом в этот дом переехал.

Дом с шиферной крышей прятался в густых зарослях черемух, росших в палисаднике. Ворота с козырьком, калитка с прорезью для почтового ящика и аккуратный

заборчик были выкрашены в голубовато-зеленоватый цвет.

Толька направился к калитке и решительно нажал ручку щеколды. Та тихо шелкнула, и калитка почти бесшумно отрылась.

— Идем, — мотнул он головой.

Они вошли во двор, огороженный с двух сторон металлической сеткой. Сделав несколько шагов, Борька остановился: прямо перед ними на крыльце лежала белая с рыжими пятнами собака. Лопухая морда была опущена на передние лапы, а скошенные в их сторону глаза смотрели очень внимательно.

— Идем, она не кусается, — позвал за собой Толька.

— Она же не привязана.

— Ее никогда не привязывают, — с этими словами он двинулся вперед. Не успел он сделать и двух шагов, как неожиданно сзади хлопнула калитка: оставленная открытой, она от ветра или собственного веса закрылась. Собака как будто ждала этого момента: быстро поднялась, глухо гавкнула два раза и прыгнула с крыльца. Борька кинулся к калитке, но сообразив, что открыть ее не успеет, мигом вспорхнул на перекладину ворот, которой те были закрыты. Следом туда залетел Толька. Собака подбежала, недовольно рыкнула, задрав морду, и пошла к крыльцу, блеснув жетоном на ошейнике.

— А говоришь, не кусается, — проворчал Борька, поворачиваясь к новому приятелю.

— Да она так...

— Так... Что же ты сюда забрался?

— Забрался... Ты побежал, тогда и я.

Борька посмотрел на собаку, которая уселась у крыльца, потом на дверь дома и увидел на ней замок.

— Дураки мы с тобой. Посмотри на дверь.

— Обождем, он где-нибудь у соседей.

— Нет. Пойдем. Я думал, у него овчарка, а это так...

— Борька прыгнул и быстро открыл калитку. Уже на улице они услышали, как собака несколько раз гавкнула им вслед.

Первое время шли молча. Борька думал о том, что хорошо бы, если родители разрешили держать щенка. Он

хоть и сказал про эту собаку, что «это так», на самом деле он согласен на любого.

Только первым нарушил молчание:

— У меня еще недавно был щенок. Правда, дворняга, но хороший. На чужих лаять начал. Рыжиком звали.

— А где он сейчас? — не утерпел Борька.

— Дядя Кеша, друг отца, пришел пьяный и нечаянно его в дверях прищемил. Он сильно визжал, а потом на задние лапы вставать не мог... Его Васька за сараем из ружья застрелил, чтобы не мучился. Мне шибко жалко было. Я даже плакал.

— Еще бы, — посочувствовал Борька, — я такому дядьке... не знаю, что бы сделал.

— Он не нарочно. И потом он мне деньги дал, чтобы я другого купил, да мамка не разрешила. Сказала: «Мы и так еле концы с концами сводим. Вон тебе костюм к школе надо...». Ну и дальше...

Борька чуть не сказал, что ему тоже не разрешают дергать щенка, но во-время спохватился, однако, чтобы не молчать, сказал:

— Она у тебя кем работает?

— Токарем на механическом.

— А отец?

— Его нету, — Только отвернулся, потом, запрокинул голову, словно вглядываясь вверх, добавил: — в позапрошлом году на заводе током убило.

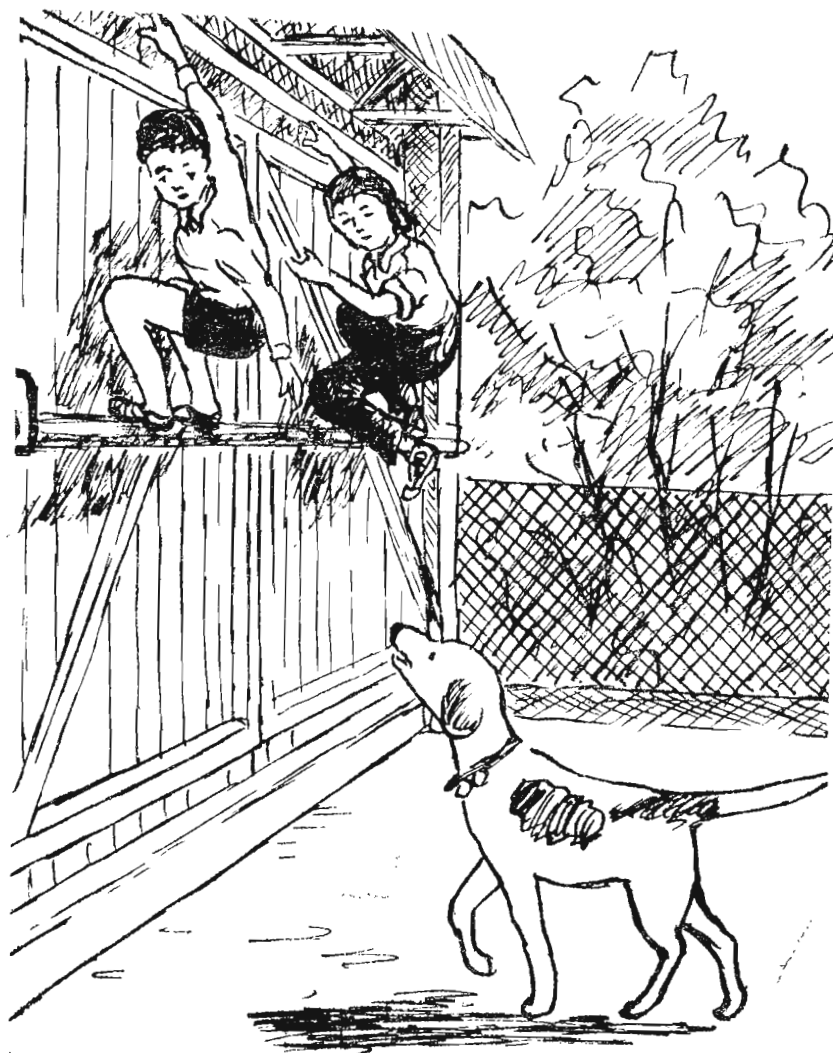
Борька не ожидал такого ответа и почувствовал себя очень неловко. Кроме того, ему просто стало жалко нового приятеля. Он искал слова, чтобы перевести разговор на другое, но не нашел, и после небольшой паузы проговорил:

— Ты сказал, что этот дядька... Как его?.. Друг отца. Вот я и спросил.

— Ничего, — сразу отозвался тот, продолжая смотреть вверх, — раньше я просто не мог, а сейчас ничего — привык. А дядя Кеша к мамке иногда приходит. Он приехал в наш город, когда папки уже не было. Он вместе с ним в армии служил.

— А-а-а, — понимающе протянул Борька.

Желая, очевидно, тоже перевести разговор на другое, Только поднял руку и сказал:

— А говорил, не кусается, — проворчал Борька, поворачиваясь к новому другу.

— Да она так..

— Смотри. Васькины голуби в точку зашли.

На фоне яркобелого облака парила едва заметная стая голубей.

— Ух, как высоко залетели! — удивился Борька.

— Высоко. Они у него летные.

Когда поравнялись с одним из двухэтажных домов, Борька спросил:

— Зачем на этом доме такая большая антенна?

— Это Эдуардыча. Старик-инвалид, в восьмой квартире живет. Радиолюбитель. У него аппаратуры — целый угол. Я у него раз был, помогал ковер затаскивать.

— А как его фамилия?

— Точно не знаю. Не то Шток, не то Штоф. Его все соседи Эдуардычем зовут. А тебе зачем?

— Да я просто так спросил.

У ворот Толька обнял его за плечи и предложил:

— Зайдем к пам. Я тебе пож покажу. Во! — и он выставил большой палец. Борька заколебался: во-первых, он узнал номер квартиры старика и даже фамилию, пусть не точно, но это важно, и теперь надо бы обязательно увидеть Генку; во-вторых, к вечеру приедет отец, и в это время желательно быть дома. Однако Толька ему чем-то понравился и, решив, что время еще есть, согласился.

Нынче во дворе былолюдно: двое мужиков пилили дрова на козлах, женщина развешивала белье, на скамейке у дома сидели две старушки в белых платках и несколько девчонок играли в классики.

Толька направился к избушке в углу двора. Сейчас она показалась Борьке еще меньше, чем вчера. На дверях висел большой замок. Толька обошел сени и вернулся с ключом.

— Мамка сегодня во вторую смену, — пояснил он, открывая замок.

По двум ступенькам спустились в небольшие сени и зашли в избу. Беленая дощатая перегородка делила ее на кухню и комнату. Большую часть кухни занимала печь, у окна стоял стол с двумя табуретками, а на стене висел небольшой шкаф с посудой.

Толька пригласил его в комнату, где он рылся в чемодане, выдвинутым из-под кровати, и выкидывал из него какие-то тряпки, проволоку и еще всякую всячину.

— Я его подальше прячу, — пояснил он. В комнате стоял шифоньер, узкий сервант с покорябаной дверцей, стол, накрытый скатертью, три стула и еще одна металлическая кровать, накрытая желтым покрывалом, с двумя большими подушками. Над ней висели два портрета в одной раме.

— Родители? — спросил Борька.

— Ага.

— Вы давно здесь живете.

— Давно. Мамка говорила, что купили, когда они с папкой поженились, — он перестал копаться в чемодане и взглянул в его сторону, — папке на заводе квартиру обещали, да и мамке тоже. А потом какой-то председатель сменился и прислал двух расфуфыренных теток — комиссию. Те посмотрели и ушли, а потом он сказал: «Не могу, у вас свой дом». А какой это дом? Мать говорит: «Хибара».

Борьку поразил пол, покатый в сторону кухни и поэтому под две ножки стола и другой мебели были подложены кубики.

— Во, смотри! — Толька встал и протянул ему раздутый кожаный футляр. Борька расстегнул его и, достав нож, стал крутить в руках, пытаясь раскрыть. Толька разулыбался, взял нож из рук и со словами: «Смотри, вот так», быстро рассоединил его на составные части. У него в руках оказались: нож, ложка и вилка.

— Туристский. Мамка мне отдала на память об отце. Это ему на заводе подарили за хорошую работу. И еще рюкзак: он рыбалку любил. Нравится?

— Да. Удобный нож.

— Я его берегу.

В кухне хлопнула дверь и в комнату заглянул пацан, которого Борька сразу узнал. Сегодня он был в клетчатой рубашке, но тоже в трусах. Уставив удивленный взгляд на Борьку, он поморгал глазами, выдавая свою растерянность, потом взглянул на Тольку и почти прокричал:

— Фома! Тебя Васька давно ищет!

— Зачем? — спросил тот, не глядя на него и продолжая складывать нож.

— Не знаю. Сказал найти, и все!

— Сейчас, — он положил нож в чемодан, сложил все выпнутое и задвинул его под кровать. Мальчишка еще раз взглянул на Борьку и уже повернулся чтобы убежать, но Толька его остановил:

— Подожди, Шкет. Побудь с ним, пока я сбегую.

— Он что тебя Фомой назвал? — спросил Борька.

— У меня фамилия Фомин, вот и зовут Фомой. А это наш Шкет, Юрка то-есть, — он обнял того за шею, а потом подтолкнул его. — Познакомься! Борька протянул руку. Тот застеснялся, мельком взглянул на Тольку, втянул голову в плечи, но руку подал.

— Так вы посидите? Я быстро.

— Ладно, — согласился Борька.

Толька убежал, а они прошли в кухню и сели у стола. Чтобы завязать разговор, Борька спросил:

— Кто это тебя так прозвал?

— Кому надо, тот и прозвал. Тебе-то чо? — надулся тот.

— Да я так спросил, — дружелюбно продолжал Борька, — не хочешь, не говори. А с Толькой ты давно дружишь?

— Все время.

— А те, другие пацаны?

— Тоже друзья, но Толька лучше.

— Почему?

— Он зазря никогда не дерется, — шмыгнув носом и, посмотрев в окно, добавил: — всегда берет меня купаться и на плотках плавать.

— Где вы на плотках плаваете?

— В старом затоне, за складами. Знаешь, — заторопился он, — там Фома летом девочку спас.

— Как это спас?

— Как? Она с пацаном на двери плавала. Такая большая дверь, с ручкой. Мы на ней тоже плавали. Он палкой оттолкнулся, а она не устояла и к нему — дверь дубом, а они в воду кувыркнулись. Девочка как заорет и скрылась под водой. Мы как раз подошли. Он прямо в штанах мырнул.

— Нырнул, — поправил Борька.

— Ну да, и ее за косу приволок к берегу. Тут сразу из-за кустов дядька прибежал и тетка. Дядька персгнул

девчонку через колено и давай давить — воду из нее выжимать. Потом положил и стал ее откачивать, вот так, — и он несколько раз развел руками в стороны.

— Откачал?

— Ага. Он даже в нос ей дул. Правда, правда.

— А дальше?

— Тетка все плакала да орала: «Доча! Доча!». А когда та глаза открыла, давай Тольку целовать и звать к себе. Он вырвался и убежал. Тогда она ко мне: «Как его зовут, да где живет». Я сказал, а то бы она не отвязалась, и побежал за ним.

— Мальчишку кто достал?

— Он сам выплыл.

— А что потом было?

— Потом? Потом к Толькиной матери участковый милиционер приходил. Но он ничо, говорят, хвалил и даже сказал, что его должны наградить чем-то. Да, видать, забыли.

— Может, не забыли.

— Забыли. Больше никто не приходил, — нижняя губа у него выпятилась и он опустил голову.

Борька взглянул на часы-ходики, висевшие на пергородке: было уже половина пятого.

— Слушай, Юра, — обратился он к своему собеседнику, — что-то Толька долго, а мне идти надо — дома ждут. Ты посиди, а я побегу.

— Я чо? Иди. Я его тама, у дома, обожду.

Глава 8

ПРИЕЗД ОТЦА

Не заходя домой, Борька забежал к своему другу. Тот оказался дома. Они вышли во двор и уселись на лестнице у сарая. Борьке было очень интересно, где пропадал его друг, но чтобы показать, что он тоже времени не терял, поторопился сообщить о старике-радиолюбителе и номере квартиры. Генка похвалил его, но самому

тоже не терпелось, и он начал подробно рассказывать о «Толстяке», тупике и о гвозде, о который порвал рубашку.

— В общем, загадочная встреча у них была, Борька, и сегодня обязательно надо там побывать. Шурупишь? Тот закивал головой.

— Я уже все записал, — продолжал Генка, — а твоё вечером запишем, тетрадка там осталась. Ты когда сможешь прийти?

— Не знаю ещё, вечером папка приезжает.

— Так тебя сегодня могут совсем не отпустить?

— Да нет. Я у папки обязательно спрошусь, а сейчас пойду..

— Ладно, жми. Встретимся после ужина.

* * *

Отец приехал около семи вечера. Ожидания Борьки оправдались: он, как всегда, возвратился с подарками. Нинка подпрыгивала от радости с красивой, разодетой куклой, а ему был вручен большой конструктор, о котором он давно мечтал.

Ужинали в зале. Все было по-праздничному. Борька обычно любил в такие ужины посидеть за столом подольше, но на этот раз поел быстро и попросил разрешения выйти из-за стола.

Ему было понятно, что разговор с отцом об уходе ночевать, надо вести один на один. Поэтому он вытащил конструктор на крыльцо, любимое место всей семьи, особенно по вечерам, в полной уверенности, что он обязательно сюда выйдет. И не ошибся. Отец вскоре появился с газетой в руках. Поинтересовался: «Что это будет?». Получив ответ: «Подъёмный кран», похвалил его, сел на выступ крыльца и развернул газету. Борька поторопился начать разговор:

— Пап, а пап?

— Что? — отозвался тот, не отрываясь от газеты.

— Я с одним мальчиком познакомился, его Толиком зовут, — сказав это, он спохватился: «Вот дурак, надо про Генку, а я..».

— И что? Хороший мальчик? — повернул голову отец.

— Хороший, — подтвердил Борька, но неожиданно у него вырвалось, — но только он... это... деньги вытащил.

— Вот те раз! — удивился отец, — хороший, а деньги вытащил. У кого?

— Ну.. в общем... у одной тетеньки.. — замялся Борька.

— Если он деньги вытаскивает, значит он — вор. Какой же он хороший?

— Да, хороший, — решил стоять на своем Борька, но, сообразив, что разговор надо переводить на другое, добавил: но у него.. это.. отца нету.

— А где он?

— У вас на заводе током убило.

— Когда? — отец отложил газету и посмотрел на него другим, серьезным взглядом, — кем он работал?

Борька не знал этого, так как Толька не говорил, и поэтому рассказал все, что знал. Когда он кончил, отец заинтересовался:

— Как фамилия матери, знаешь?

— Знаю, Фомина.. потому что Толька — Фомин, — уточнил он.

— Ты видел, как он деньги украл?

— Нет. Он мне сам рассказал, когда мы с ним познакомились.

— Кто это деньги украл? — на крыльцо вышла мать.

— Один мальчишка, — ответил Борька и подумал: «Теперь все — не отпустят!».

— Вот, вот, — начала она, — он уже две ночи ночует с Генкой в квартире его тети, она куда-то уехала, и бегают целыми днями неизвестно где. Вот уже появились знакомые, которые деньги воруют.

— Я с ним один познакомился. Он за меня заступился, — вставил Борька.

— Все равно. С ним лучше не встречаться, — сказала она, снимая передник.

— Подожди, Катя, — обратился к ней отец, — надо во всем разобраться. Как он за тебя заступился?

— Иду по улице, а меня трое мальчишек окружили и не пропускают, — быстро придумал он, — и, наверно, отлупили бы, а тут он подбежал и говорит: «Не троньте,

я его знаю!». Хотя вовсе не знал меня. Это мы потом познакомились. Но те расступились и меня пропустили

— Чем это ты ему понравился?

— Не знаю. Он сказал: «Не троньте, он с «Поваром» дружит!», то есть с Генкой. И они расступились.

— Понятно, — отец взглянул на мать и пригласил ее жестом сесть рядом. Она подстелила передник и села, а он снова **спросил**:

— Где он живет?

— На улице Нестерова, недалеко. Знаешь, папа, в такой маленькой избушке. Его мать ее хибарой зовет. — Он рассказал все, что слышал от Тольки, и даже про нового председателя, который не дал им квартиру. А в конце добавил: «В этой избушке даже пол кривой».

— Он уже у него и дома побывал, — возмутился мать.

— Это сегодня Генки днем не было и, когда я с Толькой познакомился, он и пригласил.

— Борис, — обратился к нему отец, — относись к друзьям разборчиво, чтобы тебя не втянули... в нехорошие дела. Помнишь, что моя бабушка умерла во время войны в Ленинграде потому, что у нее украли хлебные карточки, и мой отец остался в твоём возрасте один.

— Я, папа, помню. И ему сразу сказал, что это нехорошо.

— Ладно, так куда делась Генкина тетя? — вдруг спросил отец.

— Так она в эту... — заволновался Борька, — в деревню уехала, а мы делаем у нее уборку, поливаем цветы и кормим кота.

— Все это можно сделать днем, — усмехнулся отец.

— Можно, — согласился Борька, — но Генка там ночует, так тетя просила. — И решил: «Не отпустят».

— Ты и сегодня собираешься идти? — поинтересовался отец.

— Конечно. Завтра, может, его тетя и приедет, а сегодня я ему обещал, — и, взглянув на мать, добавил: ты же меня, мама, отпускала.

— Отпускала, — согласилась она, — но если у тебя такие знакомые...

— Раз обещал, пусть идет, — отец выпрямился, что-

бы лучше видеть Борькино лицо, — только не балуйтесь там и телевизор допоздна не смотрите.

— Мы не балуемся, — обрадовался Борька, — а телевизор у них не работает.

Он схватил свой конструктор вместе с недостроенным краном и побежал в свою комнату. Когда вернулся на крыльцо, мать спросила:

— А где будильник, Боря?

— Он у нас там. Мы его заводим, чтобы долго не спать.

Мать улыбнулась, заправила ему вылезшую из-за пояса рубашку и напомнила:

— Не забудь потом принести.

— Принесу, — Борька уже хотел спуститься с крыльца, но мать задержала его за руку:

— Возьми в вазе конфет — угости Гену.

Борька забежал в дом, схватил горсть конфет, сунул их в карман и выскочил на крыльцо. Крикнув родителям: «До свидания!», выбежал на улицу.

Глава 9

БОРЫ

Около половины десятого ребята были у пожарки. Генка осмотрелся и свернул в проулок. Подошли к углу забора, он выглянул и внимательно осмотрел тупик. От такой предосторожности друга Борька невольно оглянулся назад — в проулке было безлюдно. В тупике тоже никого не оказалось, и Генка решительно двинулся вперед. Они прошли мимо дома с закрытыми ставнями, миновали бревна и остановились у штабеля досок, сложенных в виде треугольника. Подойдя к нему, Генка сказал:

— Смотри, сюда заберемся, во внутрь, и через щели все будет видно, а нас никто не увидит, — и стал приминать ногами высокие стебли конского щавеля и крапивы.

Борька помог, и они залезли внутрь штабеля. Здесь им пришлось сделать то же самое, так как трава и крапива были еще гуще. Когда место было готово, они улеглись и стали осматривать тупик через щели между досками.

— А вдруг никто не придет? — первым нарушил молчание Борька, почесывая ужаленную крапивой руку.

— Придет, — уверенно ответил Генка, и они снова замолчали.

Небо, покрытое редкими облаками, быстро темнело, только на западе оно разливало теплый оранжевый свет.

Через некоторое время Борька снова заговорил:

— Генн, вон на небе..

— Тише! — прижал к губам палец тот и повернул голову к Борьке. — Кто-то идет, — шепнул он.

Борька прислушался и тоже услышал чьи-то шаги. В сгущающихся сумерках замаячила фигура человека в сером костюме и кепке. Генка шепнул: «Толстяк». Борька не мог подтвердить, и лишь когда тот остановился у ворот дома и дернул за кольцо калитки, он действительно его узнал. Подергав несколько раз, он стал колотить в калитку кулаком, а потом, повернувшись, ударил ее ногой. В доме, очевидно, никого не было, потому что на стук никто не вышел. «Толстяк» постоял, потоптался на месте, посмотрел по сторонам и пошел назад.

— Ушел, — шепнул Борька.

— Интересно, зачем он приходил? — спросил Генка сам себя.

Вскоре так стемнело, что стали различимы только силуэт дома да забор около него, за которым такими же темными пятнами виднелись макушки тополей, росших в Кирпичном переулке.

Борька, которому не только надоело ждать, но и было страшно от этой темноты и тишины, обрадовался, когда Генка сказал:

— Еще немного подождем и пойдем, наверно, не придет.

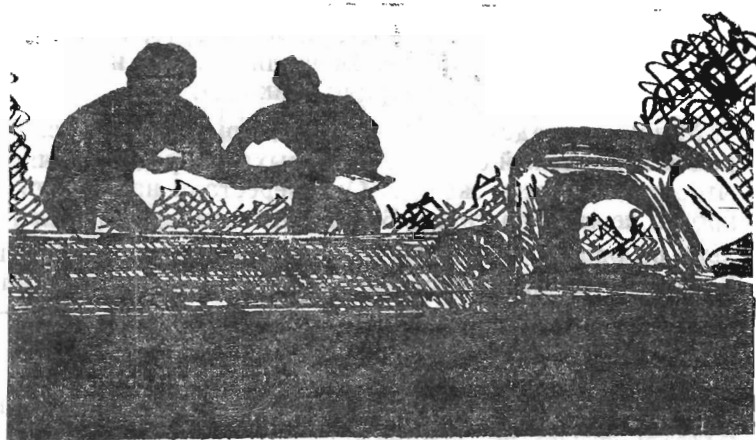
— Да, может, пойдем. Мы уже давно ждем, — заметил Борька.

— Нет. Надо еще чуть-чуть подождать.

Они замолчали. Через пару минут, когда Борька, тяжело вздохнув, хотел снова предложить идти домой,

послышался гул автомашины. Ребята замерли, прижавшись к земле. Гул приближался. Мотор машины работал неровно: то звук усиливался, то стихал. Пересилив нахлынувший страх, Борька вслед за другом приподнялся и посмотрел в щель. В начале тупика появился слабый свет и замигали красные огоньки, которые стали медленно приближаться.

— Грузовик задом идет, — прошептал Генка. Борька промолчал. Машина прошла совсем близко и он ясно увидел номер, освещенный задней подсветкой: 13—66. Проехав мимо их штабеля, она остановилась. Хлопнула дверца, и послышался голос: «Подгони вплотную к забору».

На фоне неба в кузове машины вырисовывались две фигуры.

Машина еще раз фыркнула, дернулась и заглохла. Фары потухли. Наступила тишина. Борька почувствовал, как его начинает трясти от страха. Он стиснул зубы, так как они начали мелко постукивать. Сердце колотилось, и ему казалось, что его может услышать Генка. «И зачем я пришел? — пронеслось у него, — мог бы сказать: отец не отпустил. Вот дурак».

Снова щелкнуло, и хлопнула дверца. Уже другой го-

лос сказал: «Ты полезай к нему, будете принимать». Лязгнули бортовые затворы. Генка приподнялся и стал по очереди смотреть в щели штабеля, подбирая ту, в которую можно было увидеть верх машины. Борька, преодолевая страх, тоже поднялся и стал всматриваться в темноту. На фоне неба в кузове машины вырисовывались две фигуры: одна среднего роста, широкоплечая, другая щуплая, похожая на подростка. Скрипнули затворы, и показалась третья, высокая. Сделав несколько шагов, она нагнулась и исчезла. Послышался глухой стук. «Спрыгнул за забор», — сообразил Борька.

Хриплый голос из-за забора что-то сказал, но неразборчиво. Потом второй, более звонкий, посоветовал: «Грузите ближе к кабине». Вскоре послышались возня и скрежет. Фигуры нагнулись, принимая груз, и понесли его вдоль кузова к кабине. Вернулись назад и до ребят донеслось: «За забор не цепляй, Никола».

Минут пятнадцать, в течение которых слышались изредка неприятный скрежет и гроыхание, ребята поняли, что грузят листы железа. Они перестали наблюдать и просто лежали на траве. Борька успокоился и думал только об одном: скорей бы они заканчивали и уезжали. Вдруг к нему пришла страшная мысль: «А что, если они и эти доски захотят увезти?» — его вновь затрясло — это почувствовал Генка.

— Ты чего? — тихо спросил он.

— Холодно, — простучал он зубами; высказать свою жуткую мысль не решился.

— Да, прохладно, — согласился тот.

Борьку теперь трясло от страха и от прохлады, которую он явно ощутил, а может от того, что не надо было скрывать свое состояние. Он снова пожалел о согласии идти сюда, хотя не мог представить себе, как бы Генка был здесь один. Эти рассуждения немного отвлекли его от той страшной мысли и постепенно он стал успокаиваться.

Наконец с машины спросили: «Все?». За забором что-то ответили. Ребята подняли головы. На машине снова появился высокий и, сказав: «Все, отваливаем», — нагнулся и исчез с машины; тут же послышалась брань.

— Что там? — спросил широкоплечий.

— Руку раскроил.

— На платок, — протянул он руку и тоже спустился на землю.

Наверху остался один подросток. Пока раздавались приглушенные голоса, он стоял, облокотившись о борт, а когда хлопнула одна, потом вторая дверца машины, исчез за выступом кабины. Через некоторое время сверкнули задние огни, затем вспыхнули фары и она исчезла за поворотом.

Из тупика друзья вышли осторожно, с опаской, но когда очутились в переулке, бросились бежать.

Глава 10

ФОТОАППАРАТ

После обеда Генка позвал Борьку вместе съездить к его дяде, куда его послала мать, — отнести небольшой чемодан, который брал его брат, чтобы съездить на областные соревнования. На обратном пути они решили не садиться сразу в трамвай, а пройтись пешком. Солнце пригревало, но кое-где на деревьях уже появились желтые листочки. Настроение у них было хорошее.

Утром они все записали в тетрадь. На этот раз пришлось писать Борьке, так как Генка решил провести небольшую уборку к приезду тети. Пospорили о номере машины. Он записал 13—66, а Генка уверял, что днем точно видел цифру 18. Правда, вечером тоже показалось 13, но на машине с таким номером работает Мишка Чернов, друг брата, а его там не было, он бы его сразу узнал. Решили над тринадцатью поставить вопрос, рядом восемнадцать. Кроме того, ему пришлось приписать, что «Толстяк» был за забором, шофер раскорябал руку и одного из них звали Николаем.

Повернув к клубу строителей, они неожиданно встретили Тольку. Он первый заулыбался, и когда подошел, Борька предложил:

— Познакомьтесь. Генн, это Толька, я тебе говорил. Они протянули друг другу руки и Толька сказал:

— А я тебя знаю.

— Я тоже где-то тебя видел, — с этими словами Генка повернул в сторону сада

Толька посетовал, что Борька вчера его не дождался: он объяснил и тут же спросил его:

— Правда, ты нынче летом девчонку вытащил? Мне тот пацан сказал.

— Шкет, что ли? Правда. Да... ерунда, там три шага от берега.

— Ты что? Хорошо плаваешь? — спросил Генка.

— Хорошо. Меня еще маленьким папка научил.

Войдя в ворота сада, они пошли по главной аллее. Она была почти безлюдна, только в конце двигались две пары навстречу друг другу. Генка остановился. Борька с Толькой сделали несколько шагов и тоже остановились. Генка как-то по-особому взглянул на Борьку и кивнул в сторону боковой аллеи. Тот сразу узнал «Незнакомца».

Он сидел, откинувшись на высокую спинку скамейки и читал газету. На нем был тот же светлый костюм, на глазах темные очки, шляпа лежала рядом на скамейке, в которой виднелся фотоаппарат. Ремешок от него свешивался почти до травы, густо росшей за скамейкой.

Толька удивленно посмотрел на Борьку, потом на Генку и шепнул: «Вы чо?».

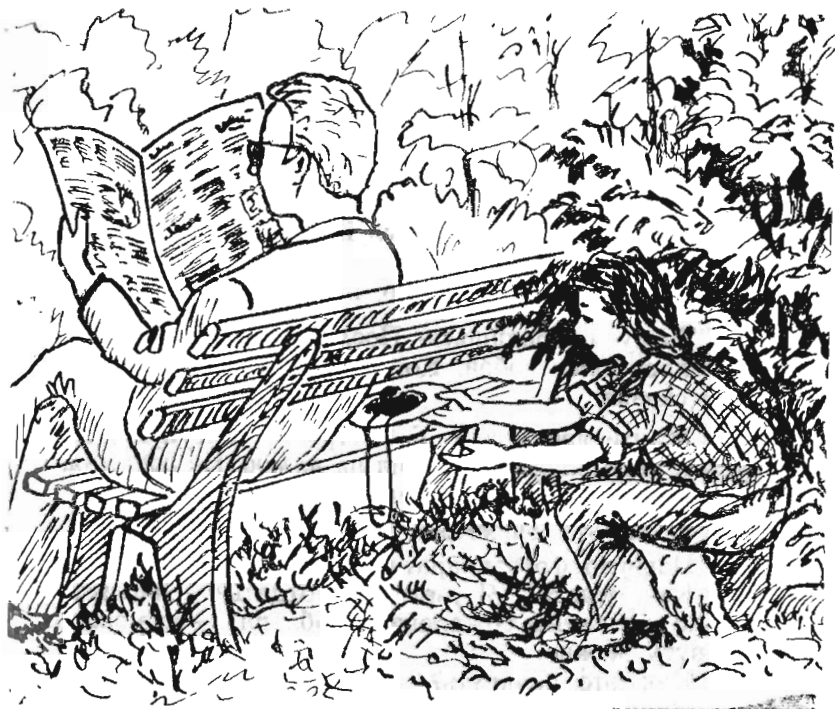
Генка не ответил, а двинулся вперед, они пошли за ним. Через несколько метров он свернул на узкую тропинку между кустами и остановился. Теперь из-за кустов «Незнакомец» был виден сзади. Генка осмотрелся, потом внимательно бросил взгляд на Тольку, и Борька понял, что того мучает: можно ли доверять ему их тайну? Его молчание и пристальный взгляд Толька оценил по своему: черные глаза сузились еще больше, в глубине их зажглись не то от злости, не то от озорства две маленькие искорки. Сверкнув ими на Борьку, он шагнул в сторону и скрылся в кустах. Генка решил, что тот обиделся:

— Ладно. Шут с ним. Понимаешь, Борька, если бы сейчас у него утащить фотоаппарат и вытащить пленку, а он может ее не сменил, то ...Чуешь?

— Чую, — удивленно раскрыл глаза Борька и тут же спросил: — А как?

Генка задумался. Вдруг Борька ткнул его локтем в бок и показал в сторону «Незнакомца»: «Смотри!».

Прямо перед ними, скрываясь за невысокими, но густыми кустами, медленно крался Толька. Его синяя в клеточку рубашка просвечивалась сквозь листву, но «Незнакомец» не мог его видеть, так как сидел спиной. У Борьки заколотилось сердце и, выдавая свое волнение, он схватил Генку за руку. Тот стоял, не шевелясь. Вот Толькина рука потянулась к шляпе, но тут же он ее отдернул: «Незнакомец» сложил газету, потом вновь развернул ее на другой странице. Теперь показались две Толькиных руки. Он медленно приподнял шляпу и так же медленно вытащил в щель между спинкой и сидень-

ем скамейки. Опустив ее на траву, он вынул фотоаппарат и осторожно двинулся назад. Через мгновение он вынырнул из кустов и с хитрой усмешкой протянул фотоаппарат Генке: «Вот. Готово!» Тот, не раздумывая, схватил его и бросился бежать. Засунув фотоаппарат под рубашку, он перешел на боковую аллею и побежал к краю сада. Ребята — за ним. Там он забрался в густые заросли кленов и кустарника. Борька, оглядываясь по сторонам и подталкивая Тольку, который зацепился рукавом за сучок, полез следом за ними.

На потертом футляре были буквы ФЭД и двойка. Генка раскрыл его и стал рассматривать сам аппарат.

— Ты что хочешь делать? — спросил шепотом Толька.

— Надо пленку достать, а как он, черт, открывается... — так же тихо проворчал Генка и, продолжая крутить фотоаппарат, посетовал: — я у Мишки видел, как он открывал, у него вроде такой же, а сейчас забыл. Во, футляр отсоединился!

— Надо сначала пленку перемотать, — предупредил Борька.

Советуясь и споря, пробуя крутить, нажимать и поворачивать все выступающие детали, им удалось открыть фотоаппарат. Генка быстро вынул кассету с торчащим из нее кончиком пленки, и сунул Борьке: «Спрячь». На закрытие аппарата ушло меньше времени, но крышка не хотела становиться на место, пока Толька не спросил:

— Ты куда торопишься? После чего крышка, кажется, закрылась сама собой. Когда футляр был застегнут, Генка сказал:

— Ждите меня здесь. Я быстро. — Высунувшись из кустов, огляделся и выскочил на аллею. Не понимая, что происходит, Толька спросил:

— А чо это он хочет?

— Наверно, фотоаппарат отдать.

— Как, отдать? Я увел, а он отдать? — возмутился Толька и с явным сожалением добавил: — его запросто толкнуть можно.

— Как это толкнуть?

— Продать.

— Ты что? Мы ведь не воры.

— А на шута эта одна пленка?

— Тише. Идет кто-то, — тронул его за плечо Борька.

По аллее медленно прошли двое. Сквозь ветки кустов они увидели только ноги. Когда они скрылись, Борька сказал: «Генка сам объяснит». Минуты три они сидели молча. Борька чувствовал себя неловко. Во-первых, ему было не по себе от того, что они ничего не объяснили Тольке; во-вторых, он не представлял, как они это сделают. Хотя сам склонялся к тому, что ему, пожалуй, можно доверить их тайну, но согласится ли на это Генка, он сомневался. Думая над этим, он не расслышал шагов друга и даже вздрогнул, когда его улыбающаяся физиономия появилась в кустах:

— Фу, порядок! Пойдемте. Я вам все по дороге расскажу.

Внезапно исчезло солнце и вокруг сразу стало серо и уныло. Они вышли через боковую калитку и пошли вдоль садовой ограды.

Генка рассказал: когда он подбежал, тот как раз поднял шляпу и закрутил головой по сторонам. Он к нему: «Вот ваш фотоаппарат», — дескать, видел, как пацаны утащили. Он: «Спасибо». А сам я повернулся и убежал.

— Он, поди, несколько сотен тыщ стоит, — удручился Толька.

— Что стоит? Аппарат, что ли? — переспросил Генка.

— А то чо!

— Да мы, по-твоему... Ты знаешь... — заволновался Генка, но, взглянув на Борьку, решил: — побожись, что никому не скажешь! Толькины глаза расширились и он с жаром выпалил:

— Гад буду! Никому не скажу. Чтoб мне землѳ жрать!

Такая внушительная клятва показалась Борьке вполне достаточной, однако на Генку она не подействовала и он потребовал:

— Нет. Ты лучше матерью поклянись.

На этот раз Толькины глаза сузились. Он вопросительно посмотрел на Борьку, как бы ища ответа: стоит ли давать такую клятву? Борька на самом деле желал ее, потому что понимал: иначе может произойти ссора, которой он не хотел. Почувствовав, очевидно, его состояние, тот медленно произнес:

— Век матери не видать, если проболтаюсь.

Генка довольно мотнул головой, нагнулся к Тольке и произнес, понизив голос:

— Этот дядька завод «Сигнал», бывший почтовый ящик, фотал. Понял?

— Понял. А зачем?

— А кто его знает. Снимал вчера, может, на эту пленку.

— Так чо? Шпион что-ли? — с недоверием скривил он физиономию.

— Этого мы не знаем. Но ведь не каждый заводы фотографирует.

— Да... — протянул Толька, — а с пленкой чо собираетесь делать? Может, мне Ваську попросить проявить? У него фотоаппарат есть. Он бы смог.

— Ваську... — передразнил его Генка, — а как же клятва?

— Так я только спросил? — обиделся тот.

— Мы ее в милицию отдадим. Там разберутся, — вставил Борька.

— Легавым? — скорчил физиономию Толька.

— Ты что, милиционеров не любишь? — поинтересовался Генка.

— А за чо мне их любить? Вона, Кылю в прошлом месяце задержали и отлупили.

— Просто так? — удивился Борька.

— Ну, он... в общем, выпивши был...

— Мой братан, — Генка обнял Тольку за плечи, — своему другу Мишке сказал: «Не попадайся туда, у них там на всех нервов не хватит».

Толька покрутил головой, но промолчал.

— Да, вон по телеку сколько всяких бандитов показывают, если б не милиция, что бы было? — высказался Борька.

— Ну, если бандиты или как этот.. шпион, тогда конечно..., — примиряюще согласился Толька.

— Вообще он какой-то подозрительный, — снова заговорил Борька и тут же получил локтем под бок. Сообразив, что сказал лишнее, не нашел ничего лучшего, как пояснить: — он всегда в темных очках ходит.

— Это ерунда, в темных очках людей полно, — возразил Толька.

Довольный тем, что ему удалось вывернуться из труд-

ного положения, Борька для видимости добавил:

— Но все-таки..

— Вы знаете, как здорово получится, если он правда окажется шпионом! — вдруг сказал Толька, оглядываясь по сторонам. — Про вас в газете напечатают.

— И про тебя. Ты же фотоаппарат утащил, — хлопнул его по плечу Борька.

— Нет. Про меня нельзя. Про такое в газетах не печатают. Потом, я просто увел аппарат и все... Я же не знал, кто он.

— А мы скажем, что знал, — приободрил его Борька.

— Это нечестно, — возразил тот.

Из-за угла вывернул трамвай, и они, не сговариваясь, бросились к остановке. Сели с трудом: народу было много. Поэтому, когда Толька предложил за мостом выйти и пройти через пустырь напрямую, все согласились. Но едва отошел трамвай, Генка присвистнул и сказал:

— Кажется, мы сваляли дурака:

Полнеба застилала темная, лохматая по краям туча.

— Да успеем, — махнул рукой Толька, — пошли быстрее!

Прибавили шаг. Когда Борька выкинул трамвайные билеты и их подхватил ветер, Толька удивился:

— У тебя чо? Деньги лишние?

— Почему?

— Билеты берешь, когда столько народу.

— Можно и не брать, — согласился Борька, — но можно и на штраф напороться.

— Фи... штраф! Уметь надо! — заявил Толька и не без гордости добавил: — Вот дядя Кеша на поезде проехал от Урала до нашего города... без билета!

— У него что, денег не было? — спросил Борька.

— Были. Но он говорит, что с билетом каждый дурак проедет, а вот без билета... — Толька развел руками, потом снова засунул их в карманы и, плюнув тонкой струйкой сквозь зубы, закончил:

— Уметь надо! А денег у него навалом было. Он в тот раз свой заграничный пиджак толкнул, — тут он сделал паузу и с улыбкой добавил: — да продал и в пиджаке приехал. Вот!

— Как это? Продам и в нем же приехал, — не мог сообразить Борька.

— Да так. Ловкость рук! — продолжая улыбаться, отвел Толька.

— Он что? Этот твой дядя Кеша—жулик? — осведомился Генка.

— При чем тут жулик? — сделал гримасу Толька, — он говорит: «Хочешь жить — умей вертеться!» Понял? — и снова циркнул сквозь зубы.

— Ты, Толька, не обижайся, но он точно жулик, — убежденно заявил Генка.

Толька покрутил головой, криво усмехнулся и махнул рукой, показывая тем самым, что тот ничего не понимает, а он не собирается больше объяснять и спорить.

Генка посмотрел назад:

— Ребя, в центре уже шпарит.

— Тогда рвем скорей! — крикнул Толька и побежал.

На середине пустыря их настигли первые капли.

— Борька, дай кассету! — крикнул Генка и, когда тот подал ему, он прямо на бегу замотал ее носовым платком и сунул в карман. Вскоре дождь из отдельных капель превратился в сплошные тугие струи. В считанные секунды рубашки и брюки прилипли к их телам холодными горчичниками. Дома, которые казалось были недалеко, скрылись за завесой воды.

— Чо бежать? Все равно мокрые насквозь! — крикнул Толька и пошел шагом. Бежать действительно было бессмысленно и они, тяжело дыша от бега, побрели прямо по лужам.

На углу, у хлебного, Толька предложил:

— Пойдемте к нам, тут же рядом, а то вам вон еще сколько шлепать. Мамка уехала. Я мигом печку растоплю и все высушим.

С минуту поколебавшись, они повернули к нему. Дождь стал стихать.

У Толькиного дома все в нерешительности переглянулись перед открытыми сенцами. Генка тихо спросил, не вернулась ли мать. Толька пожал плечами, но решительно спустился к открытой двери и пошел в дом. Половицы в сенцах, прогибаясь под его ногами, захлюпали водой. Борька вспомнил: «Не дом, а хибара». Толька тут же

вернулся и сказал, что это пацаны, а матери нету.

То, что они увидели, войдя в избу, было полной неожиданностью. В кухне сидели Длинный и тот, со шрамом. Борька их сразу узнал. В руках у них были карты. На столе стояли недопитая бутылка водки и два граненых стакана. Рядом лежали пачка сигарет в красивой обертке и мятая газета, из которой виднелись горбушка хлеба и нарезанные огурцы.

Генка поздоровался, а Борька, пораженный увиденным, пробормотал что-то невнятное. Длинный развернулся, не торопясь поднял руку с сигаретой, затянулся, выпустил краем рта тонкую струйку дыма и медленно проговорил: «Салют!». Второй сложил развернутые карты, вскинул голову и, криво улыбнувшись, с задержкой пропизнес: «З...здорово!» — и тут же заплетающимся языком начал пояснять: «Мы хотели у нас, но пришел пахан, вот и пришлось к тебе... Ключ ты сам показывал».

— Да ладно тебе, Тюря! — отмахнулся Толька. — Кто выигрывает?

— Он мне в долг дал, а сейчас я у него десятку шмалянул, — ответит тот.

— Не зайчись! — Длинный повернулся к тому, стряхивая пепел сигареты прямо на пол.

— Кыля, — обратился к Длинному Толька, — ты не смотри, что Тюря пьяный, он тебя облапошит, будешь сам в долг играть.

— Не буду, — с этими словами он засунул руку за пазуху и вытащил несколько помятых десятитысячных бумажек: Видел? И еще есть. Я хорошее дельце провернул.

— Смотри, Кыля, я предупредил, — Толька повернулся к ребятам, — пойдемте в комнату. Мы же, елки-палки, мокрые насквозь.

— Нет, Толька, мы домой пойдем, длинная песня с этой сушкой, да и дома потеряют, — не согласился Генка.

— Зря. Я счас быстро растоплю.

— Нет, пока! — Генка протянул Тольке руку.

— Ну, смотрите, — мотнул тот головой.

— Пацаны! Оставайтесь, по махонькой пропустим для сугрева и за знакомство, — заговорил Тюря.

Генка за обоих сказал: «Пока», и они вышли.

Дождь перестал. Проходя по двору, Борька показал другу окна квартиры старика-радиолюбителя, а при выходе из ворот столкнулись со стариком — продавцом газет. Он прошел мимо, неся зонт подмышкой и, бормоча что-то себе под нос, направился прямо к подъезду радиолюбителя.

Уже у дома Борька вспомнил о Кылиных деньгах, а Генка заключил: «Ясное дело, украл. Все они — одна компания!». А Борьке почему-то стало обидно за Тольку.

Глава II

ДЕНЬ УДАЧ

Вот уже около часа Борька слонялся по комнате, не находя себе места. Второй день «летел вверх тормашками». Собственно, «летел» он, как и прошлый день, только у него, у Генки все обошлось. Дело в том, что после «купания» под ливнем у него к вечеру поднялась температура. Мать сразу затолкала его в постель, заставила выпить лекарство и нашла горчичников, от которых он сначала ворчал: «Тебе лишь бы лечить», а потом, повизгивая, крутился под одеялом. Воскресный вечер его продержали в постели, а в понедельник весь день температура была нормальной и он надеялся, что уж сегодня утром обязательно пойдет с Генкой, но мать заявила, чтобы до обеда он не смел выходить на улицу. Пообещала: если температура будет нормальной, то после обеда отпустит.

Сегодня утром Генка тихонько стукнул ему в окно. Он открыл его и объяснил, почему не может пойти. А тот рассказал, что утром в понедельник в хлебном увидел Тольку и они договорились встретиться вечером. И все получилось здорово! В скверике дождались «Незнакомца», когда он вернулся с работы, и Толька пошел за ним. Генке нельзя было к нему приближаться после истории с фотоаппаратом. Толька зашел в подъезд и, про-

ходя мимо, вроде ему надо выше, заметил, в какой квартире он живет, да еще прикинулся, что кого-то ищет, и у соседей узнал его фамилию. Толька обещал прийти и сегодня утром. Генка хотел, чтобы они втроем покараулили в скверике и подслушали, наконец, его разговор со стариком—продавцом. Генка ушел, пообещав прийти часов в одиннадцать.

Сейчас было уже двенадцать, а его все не было. Борька еще раз взглянул в окно, никого не увидел и, опустившись на ковер, выдвинул конструктор из-под кровати. Отставил в сторону уже собранный подъемный кран и взял в руки альбом, где были красочные картинки различных машин. В это время за окном раздался глухой стук. Борька моментально подскочил к окну: над забором показалась раскрасневшаяся Генкина физиономия. Он не стал залазить на забор, а когда Борькина голова высунулась из форточки, сказал:

— Порядок, Борька! Пойдем ко мне — все расскажу.

— А как же мне? Ты ведь знаешь.

— Ты что, маленький? Через окно и порядок, бабка и не услышит, — и голова его скрылась за забором. Борька прикрыл дверь в комнату, распахнул окно и через минуту был в Генкином дворе. День выдался солнечным, и они уселись на верхней площадке сарая.

— Видел его? Старик был? — не выдержал Борька.

— Видел и старик был. Я за куст у ларька встал, там почти рядом. А Тольке сказал...

— Так и он был? — удивился Борька.

— Был. Я сказал, чтобы он на остановке «Незнакомца» ждал, вдруг я не успею, тогда он сможет за ним проехать и узнать, где тот работает. Так и получилось. Трамвай подошел, он еще с ним разговаривал, а потом чуть не бегом к трамваю. Ну, а мне надо было вокруг дома обехать: я и не успел.

— О чем же они говорили? — проявил нетерпение Борька.

— Говорили они мало, хотя никого рядом не было. Когда поздоровались, он передал привет от радиолюбителя — Эдуардыча. А тот сказал, что в воскресенье у него был. Потом он говорит: «Сегодня нет». Старик развел руками: «Нет, так нет».

— Значит, ничего не передал?

...

— Нет. Но когда уже газеты взял, вдруг сказал: «О, чуть не забыл! Кланяется вам Мария Александровна и благодарит». И достает из бокового кармана небольшую книжечку и передает. Тот: «Пожалуйста, пожалуйста», — но ее сразу во внутренний карман. В это время трамвай уже остановился. Он: «До свидания!» — и отвалил.

— Генн, а может в книжечке что и было?

— Может, — согласился тот, помолчал, потом поднялся и добавил: — Понимаешь, Борька, по-моему, сегодня после обеда можно в милицию тетрадь отнести, я сейчас последнее запишу. Нет, — махнул он рукой, — надо только дождаться; может, он еще что важное узнал.

Борька согласился и тут же спросил:

— Да, а как его фамилия?

— Сейчас, — Генка поднялся, — я вчера записал, — он открыл дверь сарая и вошел во внутрь. Борька встал и хотел идти за ним, но тот вернулся с тетрадкой и, раскрывая на ходу, сказал:

— Вот. Сторопов его фамилия.

Из тетради чуть не выпала фотография, он подхватил ее рукой:

— Вчера Людка снимки принесла.

— Получилось?

— Не очень, но разобрать можно, — и он протянул ему две фотографии. Они были чересчур светлые. На одной: «Незнакомец» стоял боком, поднимая фотоаппарат, а на другой — спиной, и фотографировал.

— Ты ей марку отдал?

— Отдал. Она, как ее увидела, аж запрыгала от радости и побежала Витьке показывать.

— Генн, — вдруг сообразил Борька, — его по фамилии и этим фотографиям запросто найдут.

— Конечно найдут, — согласился тот, — - - но... в общем посмотрим...

— Ты почему меня утром не вызвал, если рано пришел?

— Я потом к тете Ане зашел, забрал бинокль и отнес. Да, будильник заberi, — он нагнулся и протянул руку за косяк двери.

— Генн, я побежал! Вон по улице мамка идет на обед, а то не отпустит.

— На будильник.

Борька схватил его и, позвякивая им, быстро сбежал с лестницы. У забора крикнул: «Если что.. Я после обеда приду!».

* * *

В трамвае, как всегда по утрам, было много народа. Толька вошел в него чуть раньше «Незнакомца», когда тот, оставив старика-продавца, подбежал к остановке, а Гепка, как он понял, не успел. Оказавшись впереди «Незнакомца», Толька был доволен: теперь, чтобы тому выйти, надо прошагать мимо него, и он успеет за ним.

Парень в светлосерой куртке, сидевший у окна, отсчитывал деньги, протянул мужику, стоявшему около Тольки, и попросил передать на билет. Оставшиеся в руке деньги сунул в боковой карман куртки. «Пантюха!» — мысленно обругал его Толька, — отсюда «увести» их — раз плюнуть! Бабка, что села напротив парня, заглянула в сумку, которая была у нее на коленях, и Толька заметил горлышко стеклянной банки. С усилием открыв ее, она всунула руку во внутрь и достала кошелек. «Во дает!» — подумал Толька, продолжая наблюдать за ней. Та начала отсчитывать деньги. Парень напротив сказал: «Бабушка, вам не надо платить. Сейчас вышло постановление — пенсионеры ездят бесплатно». — «Да?» — удивилась та. «Да, да», — подтвердила женщина в белой кофте, стоявшая рядом. Бабка аккуратно сложила деньги назад в кошелек и, опустив его в банку, защелкнула крышку. «Ну молодец бабулька!» — оценил про себя ее действия Толька.

«Незнакомец» прошел вперед, и он стал пробираться за ним. Проехав еще некоторое время, они вышли у площади. Толька на некотором расстоянии двинулся следом. Перейдя площадь, тот поднялся на крыльцо трехэтажного здания «исполкома», как его называли в городе, и Толька поспешил, чтобы не потерять его из виду; входило много народа. Он прошмыгнул между двух мужчин, обогнал женщину и оказался в просторном вестибюле. «Незнакомец» повернул вправо и направился к лестничной площадке. Едва Толька шагнул за ним, как его окликнул пожилой дядька за столом:

— Мальчик, ты куда?

Только остановился и от неожиданности не нашелся, что ответить.

— Ты к кому? — снова спросил мужчина.

— Я.. Это... — мучительно искал он ответ, а потом, сообразив, что отстал от «Незнакомца» и если тот куда-нибудь зашел, он его не найдет, повернул к выходу.

Спускаясь с крыльца, взглянул на черную вывеску у входа. Блестящими буквами было написано: «Администрация города». Он отошел в сторону, сел на скамью под деревьями и стал ждать. Просидев некоторое время, почувствовал, что ему хочется есть. Утром заторопился к Генке и не стал завтракать. Вспомнил об этом и есть захотелось еще больше. «Вряд ли он теперь быстро появится», — успокоил он себя и направился к остановке, но все же оглянулся один раз: «Вдруг появится».

Матери дома не оказалось, хотя утром сказала, что отдыхает. Поел он быстро, но на столе лежала записка матери — она просила наколоть дров. Он понял, что мать собирается стирать и будет греть воду на плите, так как летом они все готовили на электроплитке.

За избой была небольшая стайка, в которой хранились уголь и чурки дров, привезенные не так давно дядей Кешей. Он взял в кладовке топор и пошел в стайку. Чтобы справиться побыстрее, он выбирал чурки потоньше и без сучков. Расколов одну, принялся за вторую, и в это время появился Кыля:

— Привет, Фома! — и протянул руку.

— Привет! — ответил он и, бросив топор, пожал ему руку.

— Дельце есть одно, — Кыля присел на лавку, устроенную у стайки.

— Какое? — Только сел рядом.

— Понимаешь, Тюря куда-то snyкался, я хотел его позвать, но когда он «нарисуется»?

— Какое дело? — снова повторил Только.

— Да, Кеша с утра заезжал, попросил найти кого-нибудь — помочь рейку разгрузить. Он подъедет после двенадцати, а Тюря...

— Об чем разговор. Какая рейка?

— А я почему знаю, — выпятил губу Кыля.

— Ладно. Я сейчас пару чурок расколю и все.

— Заметано, — Кыля встал, — я пойду штаны переодену, а ты будь дома.

Только кивнул головой в знак согласия и принялся за свою работу.

Примерно через полчаса прибежал Кыля:

— Подъехал. Пойдем!

Только закрыл избу, спрятал ключ и побежал следом.

Дядя Кеша поздоровался и удивился:

— Ты поедешь? Хотя, рейка сухая, не тяжелая.

Кыля забрался в кабину, а Толька вскарабкался в кузов и уселся на строганные доски.

Ехали почти через весь город. За мостом повернули в сторону новых микрорайонов и, миновав их, выехали на шоссе, идущее к заводской турбазе. В лесу, у развилки, повернули вправо и выехали к реке. Дорога шла по берегу, а вдоль нее по кособогу стояли дачи, уже построенные и еще строящиеся. Остановились у предпоследней. Это недостроенный двухэтажный кирпичный дом с высокой крышей и балконом, но рам в окнах нет. Разгрузили быстро, но дядя попросил затащить эту рейку на первый этаж дома, так как со двора ее могут утащить. Сказал, что надо еще рейс сделать, но будет через час. Рейка была не тяжелая и они ее довольно быстро затащили в дом. Потом весь его облазили; комнат восемь, но пола и дверей нет. Когда надоело лазить, сели на сложенные у крыльца брусья и стали ждать. Минут через пять мимо проехал синий «Москвич» и остановился у последней дачи. Из нее вылезли два мужика и один из них — «Незнакомец», которого Толька сразу узнал. Второй оказался шофером, потому что после разговора между ними остался у машины, а тот пошел в сторону леса. Он шел не торопясь, осматриваясь по сторонам, даже останавливался.

Толька сказал Кыле, что пойдет прогуляется. Тот курил, развалившись на брусках, и лишь предупредил его, что скоро может приехать машина. Он ответил, что здесь далеко видно и прибежать недолго. Обойдя последнюю дачу, Толька из-за кустов стал наблюдать за «Незнакомцем», который, постояв на месте и осмотрев все кругом, вдруг пошел по тропинке в лес. Когда он скрылся за деревьями, Толька побежал к лесу. Он быстро его нагнал,

Еще раз оглянувшись, он поднялся на торчащий рядом пень и засунул туда руку.

и, скрываясь за кустами, стал наблюдать. Тот прошел в глубь леса и вскоре вышел на большую поляну, где стояло несколько больших деревянных зданий. Он обошел одно из них, поднялся на крыльцо, открыл дверь, постоял и спустился назад. Осмотревшись, двинулся к следующему зданию, но вдруг свернул в сторону и снова пошел в лес. Только обошел небольшой овраг и, скрываясь за густой черемухой, увидел, что тот подошел к толстой березе. Огляделся, обошел ее кругом и посмотрел вверх. На небольшой высоте чернело дупло. Еще раз оглянувшись, он поднялся на торчащий рядом пень и засунул туда руку — вытащил, но в ней ничего не оказалось. Спустился с пня, постоял, отряхивая руки, и, не оглядываясь, пошел обратно. Больше он нигде не останавливался. Подошел прямо к машине, сел в нее и уехал.

Только побежал назад в лес. «Может, он положил что-нибудь?» — подумал он и стал карабкаться на березу. Зацепившись рукой за край дупла, вторую запустил внутрь, но там, кроме трухи, ничего не оказалось. Спрыгнув вниз, отряхнул брюки и побежал к даче.

Кыля дремал на том же месте.

— Слушай, — обратился он к нему, усаживаясь рядом, — что это за дома в лесу, большие деревянные?

Кыля поднял кепку, которая закрывала лицо, и удивился:

— Ты чо? По лесу лазил?

— Да, тут рядом. Я только зашел за деревья, а они там стоят...

Кыля занял прежнее положение:

— Это пионерский лагерь. Я там был, когда в школе учился.

Машина приехала примерно через час. На этот раз дядя Кеца помог затащить рейку в дом, так что управились быстро. Только решил, что он сразу завезет их домой: ему хотелось побыстрее увидеть Генку и рассказать об увиденном, но оказалось, что у дяди Кеши были свои срочные дела. Заехав в город, он повернул машину в сторону поселка цементного завода. Остановились в излом проулке у двухэтажного дома с облупленными стенами, и он, выйдя из машины, направился куда-то между домами. Вернулся быстро и поехали дальше. На

выезде к мосту машина резко затормозила и дядя Кеша крикнул, не выходя из машины:

— Леха! Ты где шляешься?

На тротуаре остановился худой, сутулый мужик в синем костюме и клетчатой кепке. Сообразив, кто к нему обращается, направился к машине. Подойдя, ответил:

— Волка ноги кормят.

— Я к тебе заезжал. В общем, звони этому хмырю — все на месте. Пусть едет. Вернется — получи как договорились, и привезешь к Николе. Я там буду. Ну и меньше болтай.

— Что? Первый раз что ли, — возмутился тот и пошел на тротуар.

Дальше ехали до самого дома без остановок.

* * *

После обеда Борьке не удалось попасть к Генке, так как мать сказала, что ей не нравится его дыхание, и увела в больницу, в физиокабинет на прогревание. Вернулись они уже вечером. Немного поднялось настроение, когда посмотрел любимую передачу «В мире животных», да еще показали служебных собак. Ну и, конечно, с удовольствием посмотрел вместе с Нинкой мультики Диснея.

После ужина, когда он занялся конструктором, услышал Генкин свист. Подскочил, как на пружине:

— Мама, я к Генке, быстро!

— Смотри, уже восемь часов, — предупредила она.

Оказалось, пришел и Толька. Здраваясь, Борька спросил:

— Ты куда пропал?

— Тут такие дела, Борька, — сказал Генка и предложил сесть на скамейку у волейбольной площадки. Когда уселись, Генка попросил Тольку:

— Расскажи все по порядку, ты же понимаешь...

И тот начал рассказывать. Слушали его с большим вниманием и только когда сказал про половую рейку, Борька спросил: «Что это за рейка?». Генка пояснил: «Доски для пола, строганные».

Еще с большим вниманием и даже с завистью они слушали о «Незнакомце», а когда он сказал о пионерском лагере, как пояснил Кыля, Генка подтвердил, заявив,

что он тоже там был. Борька засомневался: «Нынче там был молодежный лагерь, я был в первый сезон, но дорога туда идет мимо турбазы. Генка пояснил, что дорога идет по лесу, а «Незнакомец» поднимался по тропинке от реки. И тут же спросил Тольку:

— Ты что, там ни разу не был?

— Нет. Я летом в деревню к бабушке езжу.

— Вы там долго были? — снова спросил Генка, поднимаясь со скамейки.

— Долго. Пока то да се.. По дороге к какому-то мужику заезжали.. В общем, как поел, сразу прибежал.

— Молодец ты, Толька — восхитился Борька.

— Да.. — протянул Генка, — что он мог искать?

— Я думаю, он точно шпион, — заключил Толька, — ему, наверно, что-то должны были передать, да, видать, сорвалось. Тут он засунул руку в карман и достал им по пачке жевательной резинки: — По дороге купил: дядя Кеша нам за работу по десять тысяч дал.

Они поблагодарили его, а Генка сказал:

— Мне надо идти ужинать, вон мамка в окно смотрит, — потом к Тольке: — Ты завтра с нами в милицию пойдешь?

— Нет, ребя. Меня мамка предупредила, чтобы не убежал утром, как сегодня. Я ей зачем-то нужен.

— Ну, ладно, освободишься — прибегай, — согласился Генка и протянул друзьям руку для прощания.

Глава 12

В МИЛИЦИИ

Утром, перед тем как идти в милицию, Борька попросил своего друга прочесть, что он записал о Толькиной новости. Генка прочитал ему сам и оба остались довольны.

— Молодец все-таки Толька, такое увидеть.. — снова восхитился Борька.

Да.. — подтвердил Генка, засовывая тетрадь за

пояс под курткой, и подытожил: — Ведь просто так в душло не полезешь...

Милиция располагалась в старой части города, буквально в трех кварталах от их дома. Это было обычное трехэтажное здание, выкрашенное в желтоватый цвет, с высоким крыльцом. Оно стояло в глубине улицы и перед ним была небольшая площадка, на которой стояло несколько машин.

С некоторым колебанием они поднялись на крыльцо и Генка потянул за длинную ручку массивной двери. К удивлению она открылась легко, и они вошли. Помещение оказалось довольно просторным и людным. По середине была стеклянная перегородка с окном, за которой горел электрический свет, несмотря на то, что был день. Слева, вдоль стены, стояли две скамейки с высокими спинками, на которых сидело несколько человек, а справа — невысокий барьер из полированных брусков, за которым на такой же скамейке сидел чумазый парнишка.

В окне перегородки виднелась голова милиционера с седеющими волосами. Он разговаривал по телефону. Лицо находилось в тени и выделялись только темные усы и брови. Около перегородки в пол-оборота стоял милиционер и смотрел на говорившего. Дверь рядом с перегородкой то и дело открывалась и из нее выходили или входили милиционеры и другие люди.

Ребята немного растерялись. Генка двинулся к стеклянной перегородке, прижимая руку к куртке, где была тетрадь, но, видя, что на него не обращают внимания, остановился. Милиционер за перегородкой положил трубку и спросил:

— Вам чего, ребята?

— Нам нужен начальник, — ответил Генка, и они подошли к перегородке.

— Зачем вам обязательно начальник? — его брови поднялись, а темные глаза прищурились.

— У нас к нему дело, — ответил Генка.

— И очень важное, — вставил Борька и покосился на стоявшего рядом милиционера, который снисходительно улыбался.

— А, может, я все же сумею помочь? — спросил он и откинулся на спинку стула. Они увидели погоны капитана.

— Нет, — решительно заявил Генка, — нам нужен начальник.

— Ну, раз начальник, — проговорил он, снимая трубку телефона, а потом, мотнув головой, сказал: — Посидите на скамейке.

Они уселись на свободное место, но ждать им не пришлось. Он переговорил по телефону и махнул им рукой. Когда подошли, сказал:

— Заходите в эту дверь, по лестнице на второй этаж, дверь прямо.

Дверь напротив лестницы оказалась приоткрытой, они вошли и поздоровались с пожилой женщиной в светлой кофте.

— Это вам нужен начальник? — удивилась она.

— Нам, — закивали они головами.

— Проходите, — и она указала на дверь, обитую кожей.

Генка снова дернул ее с силой, так как с виду она казалась очень тяжелой, а она легко распахнулась чуть не на всю ширину проема.

Начальник сидел за большим, светлого дерева столом в глубине кабинета. Борька притворил дверь и последовал за Генкой.

— Вы почему не здороваетесь? — улыбаясь, спросил начальник. У него было полное лицо, крутой лоб и редкие седые волосы, тщательно причесанные. На плечах виднелись погоны полковника.

— Здравствуйте! — почти враз проговорили они.

— Здравствуйте, здравствуйте! Проходите, садитесь. Нет, еще ближе, — пригласил он их сесть на стулья рядом со столом.

— Слушаю. Что у вас за дело ко мне?

— Мы.. Это.., — начал нерешительно Генка, забыв о ранее приготовленных словах.

— Ну, ну, смелее, — подбодрил начальник.

— В общем.. Вот, — и Генка достал из-за пазухи тетрадь.

Тот взял ее в руки, положил перед собой и вопросительно посмотрел на ребят. Но так как они оба промолчали, открыл обложку и прочитал:

Операция «Ураган». Солидно.. Пойдем дальше, —

он перевернул первую страницу с названием и некоторое время читал молча. Потом перелистнул несколько страниц и снова углубился в чтение. Прочитав страницу, взглянул на ребят:

— Много написано. Сейчас все не прочесть. Поясните в двух словах.

— В общем... — начал рассказывать Генка, — один дядька, там его фамилия есть, очень подозрительный. Он все какие-то бумажки передает старику — продавцу газет, а у другого — рация..

— Он завод «Сигнал» за рекой фотографировал, — вставил Борька.

— Так, так.. Шпион что ли? — с неопределенной интонацией спросил начальник.

— Не знаем... — пожал плечами Генка.

— Фотки отдай, — шепнул ему Борька.

Тот достал из кармана коробочку и положил ее на стол:

— Здесь его фотографии и пленка—не проявленная, из его фотоаппарата.

Начальник удивился, слегка приподняв брови и прикусив нижнюю губу, но ничего не сказал, а осторожно открыл коробку. Рассматривая фотографии, сказал:

— Не очень получилось, но разобрать можно.

— Да, не очень, — подтвердил Генка.

— Это Людка фотографировала, — снова вставил Борька и получил локтем под бок.

— Кто? Людка? Что, с вами еще девочка была?

— Нет. Мы... — Генка замялся, — мы просто ее попросили снять, сказали, что это знакомый дядька.

— Ааа, — протянул полковник, — понятно. Так, так. А это, значит, не проявленная пленка его? Интересно, как она к вам попала? Ведь он, пожалуй, сам ее не отдал?

— Мы у него из фотоаппарата вытащили.. Он в саду газету читал, — объяснял Генка, а Борьку подмывало сказать, что это Толька сделал, но, взглянув на локоть друга, промолчал. Однако тот сам рассказал, как все было.

— Понятно, — сказал начальник, когда Генка кончил говорить, и, взяв в руки тетрадь, поднял на них глаза:

— Как я понимаю, здесь все написано.

— Все, — враз ответили они.

— Как вас зовут и где вы проживаете?

Генка назвал их имена и фамилии, а потом указал адреса, кроме Толькиного, который они точно не знали.

Закончив записывать, он сказал:

Нам надо это все прочитать, изучить и разобраться. Правильно?

Они в знак согласия закивали головами.

А потом мы вас вызовем... Впрочем, нет, — он достал настольный календарь и что-то пометил в нем, — вы сами придете ко мне тридцать первого августа. Это будет понедельник. Вы еще не будете учиться и поэтому жду вас к четырем часам. Договорились?

— Договорились, — за двоих ответил Генка.

Они попрощались и вышли из кабинета.

Глава 13

У ТОЛЬКИ

Два дня после того, как отнесли тетрадь в милицию, они мучились от безделья, не зная, чем заняться, а в субботу, как и договорились, играли с молоканскими в футбол и на радость снова выиграли — 3 : 2.

В воскресенье утром, подбегая к Генкиному крыльцу, Борька увидел Тольку, который не появлялся уже три дня. Оказалось, им дали квартиру и он был занят домашними делами, а сейчас прибежал пригласить их к себе в гости. Выслушав его рассказ, Борька сложил ладошки рупором и крикнул Генку. Почти сразу открылось окно и из него высунулась его голова: «Я быстро!».

Вскоре он вышел, и Толька рассказал ему все, что перед этим поведал Борьке. Делать им было нечего и они охотно приняли его приглашение. По дороге рассказали о разговоре в милиции.

Дом, в котором теперь жил Толька, находился на Первомайской, недалеко от школы. Это было семейное общежитие. Однокомнатная квартира находилась на тре-

тьем этаже. На лестнице им попало несколько человек навстречу, а в коридоре маленький мальчишка ездил на трехколесном велосипеде, за которым бегала девчонка в розовом платице.

В комнате, куда они вошли, все вещи были Борьке знакомы, кроме телевизора в углу комнаты. Толька пояснил, что его позавчера забрали из ремонта, но антенна еще не налажена. Он с удовольствием показал ванную. Борька удивился, что сама ванна была маленькой, со ступенькой внутри. Генка уточнил, что она сидячая, а Толька сказал: «Я уже мылся, мирово!».

Вышли на балкон. Здесь стояла самодельная скамья, на которую они с удовольствием уселись под лучами утреннего солнца. Два больших дома напротив не давали обзора, но вдоль улицы, где стояли дома пониже, видны были даже деревья в сквере на Садовой.

На Борькин вопрос, где мать, Толька ответил, что она поехала к подруге, а будет после обеда или вечером.

Потом он угощал их апельсиновым соком, который, как он сказал, купил перед тем, как их пригласить. Сок был вкусный и пили они его с большим удовольствием, но Борька спросил его напрямую:

— Опять денег появилось навалом?

Толька хитро усмехнулся:

— Не навалом, но красненькая сама в руки залезла— ну, торчала у одного мужика из кармана.

Генка ему заметил:

— Хороший ты пацан, но вляпаешься когда-нибудь капитально!

Борька, вспомнив разговор с отцом, рассказал им об отцовской бабушке, умершей во время войны в блокаде по вине вора. Толька опять начал говорить, что он у какой-нибудь бабки или тетке ни за что не возмет.. А Генка ему резонно заметил:

— А если у твоей матери зарплату утащат?

Толька крутанул головой:

— Да ладно, ребя.. — он поднялся, забрал пустые стаканы и унес, а когда вернулся, сказал:

— Вот я вчера наколол! Ну, видел, — поправился он для ясности. — Меня мамка послала в «Тысячу мелочей» за олифой. Вышел я к мосту и шпарю вдоль реки. Хотел уже повернуть — зырь, а наш очкарик, ну, этот

чудька, что-то на бумаге чиркает. Обошел я его сзади. Оказалось, он, гад, мост срисовывает. Зачем он ему сдался?

Они переглянулись, Генка сказал:

Когда будем снова у начальника милиции, обязательно об этом расскажем, — и тут он хлопнул себя по коленке, — эх, у меня ведь тоже новость! Сногсшибательная! И как я сразу не рассказал? — Он посмотрел вдоль дома, на соседний балкон, и начал:

Вчера вечером я уже лег спать, пришел к братану Мишка и вот что рассказал: вызвали его позавчера в милицию к следователю. Ну, сначала, как фамилия, где работает и другое, а потом спрашивает: «Скажите, где были двадцать первого числа между десятью и двенадцатью часами вечера?». Он отвечает: мол, на работе, я в ту неделю в ночь был. Тот: «По субботам работаете?». «Да, — отвечает, — я на дежурной машине в графике. Тот про номер машины. Мишка ему — тринадцать шестьдесят шесть. «Где вы дежурите с машиной?» — снова ему вопрос. «При литейке», — отвечает, — на механическом заводе. Следователь все записывает, а потом снова: «Подумайте и ответьте на мой первый вопрос».

И тут Мишка вспомнил, что в субботу, примерно полдесятого, подходит к нему один шофер и говорит: «Тот мужик, у которого ты хотел «Запорожец» купить, согласен миллион сбросить, как ты предлагал, но надо срочно переговорить до одиннадцати и, дескать, он послал за ним его на «Москвиче». Работы в ночь мало, он договорился с мастером цеха отлучиться на час; поставил машину у дежурки и поехали. За мостом повернули в новые микрорайоны. У одного гастронома тот затормозил и говорит: «Бутылку по такому случаю не пожалеешь?». Ну, Мишка пошел, взял. Поехали дальше. Метров через сто мотор начал греться. Шофер остановил, вышел, поднял капот — показывает порванный ремень вентилятора. Запасного нет. Предлагает обождать. Говорит: «У меня недалеко дружок живет, у него тоже «Москвич», может, ремень достану». Просидел Мишка примерно с час. При-

ходит, приносит ремень. Поставили, поехали. Минут через десять добрались до того мужика, а его дома нет. Опоздали. Поехали назад. Приехали уже в двенадцать ночи. Мастер отругал и заставил загнать машину в цех.

Следователь все это слушал и записывал. Потом спросил, как фамилии мастера и того шофера. Он сказал. Следователь записал и подал ему написанное, предложив прочитать и подписать. Когда он подписал и передал бумаги, то тот сказал, что его машину в субботу между десятью и двенадцатью вечера видели в Кирпичном переулке при совершении кражи строительных материалов. Мишка говорит, мол, я все рассказал, как было. Следователь сказал, что они все проверят, а потом спросил: «А вы ничего не заметили на машине?». Мишка ответил, что нет, разве только, когда заводил машину, показалось, что вроде тепло от двигателя идет, но торопился, думал, показалось. Тот говорит, что если понадобится, его вызовут. И отпустил.

Братан Мишке сказал:

— Кажется, ты влип в историю.

Мишка согласился, что влип.

Генка посмотрел на Борьку:

— Я промолчал, ничего им не сказал, но ты теперь видишь, до чего довела твоя путаница с номерами?

Борька с обидой возразил:

— Ничего я не напутал. Номер хорошо было видно.

Они еще некоторое время поспорили. Генка сказал Тольке, что это связано с «Незнакомцем», а потом предложил пойти погулять на улицу. Толька отказался, сказав, что ему надо до обеда покрасить встроенный шкаф. Мать велела сделать обязательно, хочет пол красить.

— Ладно, малой, — хлопнул его по плечу Борька на прощание.

Глава 14

СНОВА В МИЛИЦИИ

Перекличку в школе назначили на десять часов. Борьку больше всего обрадовало то, что Тольку перевели в их школу и зачислили в его класс. Сейчас они стояли рядом и он с гордостью поглядывал по сторонам как единственный, кто был знаком с новичком.

Когда всех отпустили и ребята пошли по домам, Борька выбрал момент, чтобы никого не было рядом, спросил его:

- Ты сегодня пойдешь с нами в милицию?
Зачем?

- Да по тому делу, про которое мы тебе говорили. Сегодня начальник велел прийти к четырем часам.

--- А я чо?

Как это чо! — в тон ему возразил Борька. — Ты главное узнал: как его фамилия и где он живет. А про что? И про мост скажешь.

- Во сколько?

- В три' будь' вон там, — он показал рукой на перекресток, — мы подойдем.

- Ладно. Может, и приду.

--- Не может, а обязательно, — Борька хлопнул его по спине и побежал догонять ребят.

Когда в три часа Борька с Генкой вышли на угол Первомайской, Тольки не было.

— Я к нему забегу, — решил Борька, — здесь ведь рядом.

--- Дуй, только побыстрей.

Пробежав метров пятьдесят, он остановился: из-за дома показался Толька в своей клетчатой рубашке. Он выбежал на тротуар, потом на проезжую часть улицы и тут его окликнул какой-то мужчина в серых брюках и голубой футболке. Толька повернул к нему и остановился. Мужчина у него что-то спрашивал, а он кивал головой и лишь однажды показал рукой в сторону своего дома. Левой рукой мужчина приглаживал волосы, ста-

раясь уложить их за ухо, а в правой, перевязанной чуть выше локтя, что-то поблескивало. Лица его не было видно, он стоял к Борьке спиной. Наконец их разговор окончился и Толька побежал к ним. Борька повернулся и пошел к Генке, но тот почему-то двинулся к нему навстречу. Когда поравнялись, явно торопясь, произнес:

— Смотри, это шофер, который ночью приезжал на машине!

Борька оглянулся: Толька был уже рядом, а мужчина в синей футболке удалялся в противоположную сторону.

— Фу, — выдохнул подбежавший Толька, — кое-как дверь закрыл, замок заело.

— Что это за дядька был? — спросил Генка, продолжая смотреть вслед уходящему.

— Это, — Толька обернулся, — это дядя Кеша. Я вам про него рассказывал.

— А что он в руке держал? — поинтересовался Борька.

— Ключ от зажигания. Он же шофер. Искал, где мы живем.

Некоторое время шли молча, потом Толька сказал:

— Я вчера шкаф покрасил, а мамка сказала, что зря поторопился, не до пола. С ней подруга приехала, а к вечеру пришло несколько человек с ее работы, вроде как на новоселье. Торшер подарили, лампу с абажуром на ножке, — пояснил он.

— А тебе-то что-нибудь подарили? — поинтересовался Борька.

— Мне? Ну, шоколадкой угостили, — он замолчал на некоторое время, потом продолжал: — Я сегодня ни черта не выспался. Мужики с одной теткой ушли часов в одиннадцать, а подруга матери с другой теткой остались ночевать. Я поел и лег спать, **да разве уснешь**: то поют, то галдят. — Он замолчал, словно вспоминая что-то, потом оживился и заговорил, поворачиваясь то к одному, то к другому: — Они все одного дядьку хвалили. Мол, если бы не он, не видать нам эту квартиру. В общем, он кого-то распек, дескать: «Как это так можно? У нее муж у нас погиб, то есть мой папка, — пояснил Толька, — а у него очередь была на квартиру, да и сама она работает у нас». — Это он про мамку, — снова пояснил он.

— И директор завода, говорили, его поддержал. Они и

фамилию называли того дядьки.. точно не помню. Не то Гравин, не то Гранин...

Борька не успел открыть рот, как Генка переспросил: Гранин, говоришь?

Вроде, — пожал плечами Толька.

— Так это Борькин отец! — Генка ткнул его кулаком в бок.

— Да ну? — удивился тот, поворачиваясь к Борьке, — а я ведь твою фамилию до сих пор не знал.

И на перекличке не слышал? — в свою очередь удивился Борька.

— Ты по списку в самом начале. Выкликать стали, а там физрук все по этому, как его назвать, радиорупору что ли, командовал, да кого-то вызывал. Я услышал, как ты сказал: «Здесь». И все.

Продолжая разговаривать, они не заметили, как оказались у милиции. Толька заявил, что заходить не будет, и подождет на улице, у фотоателье. Борька начал его уговаривать, но тот стоял на своем.

— Тогда никуда не уходи, вдруг тебя позовут. Ладно? поставил условие Генка.

— Ладно, — согласился он и пошел через дорогу.

Генка, посмотрев ему вслед, тихо сказал:

— Борька, как ты думаешь, надо ему сказать про его дядьку, что он железо воровал, или нет?

— Ты уверен? Вдруг не он?

— Он. Точно он. Я его сразу узнал. Потом видел, у него рука перевязана.. Помнишь, заругался? Гвоздем поцарапал. Точно он.

— Не знаю. Может, потом с ним поговорим?

— Потом, так потом. Пошли.

Начальник милиции снова пригласил их сесть поближе, и когда они уселись, улыбнувшись, сказал:

— Должен вас похвалить. Кое-что мы уже выяснили, он повернулся и достал из бокового ящика стола папку с бумагами и начал их перелистывать.

Воспользовавшись паузой, Борька не вытерпел, и поспешил сообщить:

— Товарищ начальник, а Толик Фомин видел, как «Нешкомец» мост через реку срисовывал.

Полковник взглянул на них с некоторым удивлением:

Значит, операция продолжается?

Ребята несколько смутились и потому промолчали, а он перестал листать бумаги и заговорил более серьезным тоном:

— Звать меня Иван Васильевич. Об этом «Незнакомце» с вами будет разговаривать мой заместитель майор Шилов, а вот о другом поговорю я. — Он пододвинул раскрытую папку и продолжил: — С помощью ваших записей удалось вскрыть хищение. Попросту — воровство. Прораб одного строительного управления, вы его называли «Толстяк», незаконно продавал строительные материалы. В ту субботу шофер позвонил ему: они встретились в пивной и договорились. Номер телефона он ему дал раньше, когда тот заинтересовался листовым железом. Но прораб шофера не знает.

Борька закрутился на стуле, его подмывало сказать, что его знает Толька, но, видя, что Генка помалкивает, решил: наверно, засомневался. Совершенно неожиданно для него тот спросил:

— Иван Васильевич, а зачем этот.. прораб в ворота стучал?

— Там его плотник живет. Боялся — не вернулся ли тот из отпуска, — пояснил он и продолжил: — Мы также установили, что половую рейку для того дачника украл при содействии тоже прораба. Но и хозяин дачи не знает шофера. Договаривался и отдавал деньги через посредника, которого пока не нашли.

Нам удалось найти подростка Николая, который помогал грузить железо. Им оказался некто Кылявин, состоящий у нас на учете.

Через него узнали, что машиной овладели обманным путем. Номер машины вы указали правильно.

— Во, видел? — шепнул Борька, ткнув друга под бок. Тот промолчал. Начальник посмотрел на Борьку, кашлянул в кулак и продолжал:

— Мы узнали, что машину с завода угнал один, а работал на ней другой. Кылявин назвал его дядей Кешей, но больше он о нем ничего не знает или боится говорить.

Борька снова закрутился, но Генка начал говорить:

— Этого дядю Кешу знает наш товарищ. Мы вам про него говорили — это Толя Фомин.

— Фомин, говорите? А где же он?

— Он с нами пришел. Он на улице ждет. Позвать? — спросил Генка.

— Конечно, позвать.

Борька первым сорвался с места и выбежал из кабинета.

Только сидел на скамейке и что-то рассматривал в руках. Борька окликнул его, тот мельком взглянул на него и снова занялся своим делом. Борка перебежал улицу:

— Идем, тебя начальник милиции зовет.

— Зачем? — оторвался тот от своего занятия: он отрывал этикетку со спичечной коробки.

— Спросить, наверно, что-то хочет, — неопределенно ответил Борька. — Идем скорей...

— Счас, — кивнул головой Толька и снова продолжил свое занятие.

— Не сейчас, а идем! На шута она тебе сдалась! — возмутился Борька. — Идем!..

— Толя, — обратился к нему начальник милиции, когда они вошли, — вот ребята говорят, что ты знаешь мужчину по имени Кеша, а мы интересуемся человеком с таким именем.

Толька покосился на своих друзей:

— Знаю.

— А как его полное имя и фамилия?

Толька на мгновение задумался и ответил:

— Не знаю. Просто дядя Кеша. Он друг моего отца. Они вместе в армии служили.

— Ты знаешь, где он живет?

— У кого-то на квартире, — он пожал плечами.

— А мать знает?

— Не знаю.

— Как ее звать и где она работает?

Толька сказал. Тот записал, уточнил адрес и сказал: «Ну, ладно», — протянул руку к какому-то аппарату и, нажав на клавишу, произнес: «Пригласите капитана Санохина». Потом вновь посмотрел на Тольку.

— Это ты спас девчонку на старом затоне?

— Я, — Толька опустил голову и покраснел.

— Молодец! Прямо герой.

Толька опустил голову еще ниже.

Капитан появился очень быстро. Борька его сразу узнал.

— Игорь Николаевич, — обратился к нему начальник, когда тот прикрыл за собой дверь и поздоровался, — вот эти ребята.

Капитан взглянул в их сторону:

— Я их знаю. Они ко мне обращались прошлый раз, когда я дежурного подменял. Да и по делу...

— Вот и хорошо, — начальник встал и, закрывая папку, продолжил: — Проводите их к Шилову.

Следом за капитаном они вышли из кабинета и пошли по коридору. Только, шедший последним, придержал Борьку за рукав:

— Слушай, а чо вы наболтали про дядю Кешу?

— Ничего мы не болтали. Начальник сказал, что один пацан Кылявин...

— Кыля?

— Наверно. Он и назвал его дядей Кешей, вот мы и вспомнили, что ты его знаешь.

В это время капитан остановился у одной двери и спросил:

— Побыстрей, ребята.

Глава 15

У МАЙОРА ШИЛОВА

Кабинет, куда они вошли за капитаном, был средних размеров. Вдоль одной стены стояли два шкафа с книгами и папками, а с другой — ряд мягких стульев. У окна за столом из полированного дерева сидел средних лет мужчина в форме майора милиции. Он был небольшого роста, с сухощавым лицом и короткими не по моде волосами. Поздоровавшись, он пригласил всех садиться. Ребята сели, а капитан, сказав, что он, очевидно, не нужен, попросил разрешения уйти. Когда капитан вышел, лицо майора приобрело добродушное выражение и он произнес:

— Ребята, меня звать Владимир Иванович, а вы назовите себя каждый.

Все называли.

— Вот и познакомились, — произнес он и, достав из ящика общую тетрадь, которую они сразу узнали, продолжил: — Как вам, очевидно, сказали, мне поручили разобраться в материалах вашей «Операции «Ураган».

Борьке почему-то стало неловко и он почувствовал, как уши потеплели; Генка опустил голову, но тут же поднял, так как майор продолжил:

— Вы проделали, я бы сказал, большую работу, — он снова посмотрел в стол и вытащил оттуда исписанный лист бумаги.

Борька подтолкнул Генку и шепнул: «Скажи про мост».

— Что скажи? — услышал его шепот майор.

— В субботу этот... мост в городе срисовывал. Вон Толик видел, — кивнул в его сторону Генка.

— Так... Я думаю, что мы и с этим разберемся, — он обвел всех внимательным взглядом. — Вам, наверно, начальник милиции сказал, что на основании ваших данных ведётся следствие. Мне в свою очередь пришлось выяснить личности нескольких человек. Сейчас я вам про них расскажу. Но! Прошу вас не отчаиваться — среди них не оказалось ни одного шпиона. А не отчаиваться потому, что такое поведение людей вызвало бы подозрение и у меня. Но, имея фотографии, нетрудно найти человека. Вас прежде всего интересует, кто такой Николай Петрович, то есть «Незнакомец»?

Борька с Генкой закивали головами.

— Он — главный архитектор нашего города, — усмехнулся майор.

— Главный архитектор! — вырвалось у Генки.

— Да. И фамилия у него самая простая — Иванов. — Видя недоумение на их лицах, он пояснил: — Вы узнали фамилию его сестры, у которой он сейчас живет, пока ему и его семье не дали квартиру. Он недавно переехал в наш город.

— А старик, а пакетики, которые он передавал? — снова не выдержал Генка.

— Видите, в чем дело. Раньше Николай Петрович жил в нашем городе и учился в школе, где этот старик, тог-

да, конечно, не старик, работал преподавателем. Сейчас он пенсионер, но работает в союзпечати. Так как Николай Петрович еще не перевел свою корреспонденцию из-за отсутствия квартиры, то покупал газеты и журналы в киосках. Вот однажды и встретил Захара Ивановича Круглова — этого самого старика. Узнав, что у него есть внук, который собирает марки, стал при случае приносить их, заворачивая в бумажку, чтобы не затерялись. Итак, с бумажками и этим стариком понятно? — спросил с улыбкой майор.

— Понятно, — быстро согласился Боряка.

— Ну, о прорабе вы знаете. С ним у него случайная встреча. О старике-радиолобителе. Фамилия его Шток, зовут Август Эдуардович. Он пенсионер, австриец по национальности. Приехал в наш город мальчишкой вместе со своими родителями в 1939 году, когда его отца как специалиста направили на наш механический завод. Поселили их в квартиру, где уже жили родители Иванова, которому тогда было всего полтора года. Живя с ними, Николай Петрович и выучил немецкий язык. Так как родители работали, он часто оставался дома с соседями, которые русский язык в то время знали плохо и дома говорили по-немецки.

— Август Эдуардович сначала получил специальность слесаря, учась при заводе, где и проработал около десяти лет на сборке. На заводе получил травму и стал инвалидом. Но, закончив заочно радиотехнический институт, продолжал работу на заводе уже в цехе палатки как инженер. Радио оставалось его любимым занятием. Как только Николай Петрович вернулся в город, он сразу отыскал Штока, потому что у него с ним связано все его детство.

— Здесь, по-моему, тоже все понятно? — Серые глаза майора слегка прищурились.

— Когда я с ним, Николаем Петровичем, разговаривал, — продолжил он, — то, конечно, спросил о фотографии. Он ответил, что его как архитектора всегда интересуют различные здания и он их фотографирует, кроме того, он любит хранить снимки тех мест, на которых потом что-нибудь будет построено. Вот на той пленке, что вы принесли, был снят пустырь у завода, где собираются строить новый цех. До разговора он не мог взять

в толк, зачем ребятишкам понадобилась его пленка.

Борька с Генкой заулыбались, а Толька хитро сморщил нос.

— Но еще больше он поразился, — продолжал майор, — когда я его спросил, что он искал в дупле. Он сказал: «Вот это да! Оказывается, за мной велась тотальная слежка!». Да, — подтвердил я, — вы были под основательным «колпаком»!

Ребята засмеялись. Майор улыбнулся и, посмотрев в лист, что лежал перед ним, начал говорить дальше:

— Он все же пояснил, что поехал туда посмотреть: просят отвести место еще под две дачи. А когда подъехал, понял, что рядом бывший пионерский лагерь, где был несколько раз в школьные годы. Захотелось посмотреть. А там вспомнил об одной березе, в дупле которой часто что-нибудь прятали, когда играли в «красные и синие» или в «следопыты». Пришел на то место. Березы той уже нет, а когда в другой увидел дупло, не удержался — решил посмотреть: не осталось ли там что-нибудь, спрятанное от теперешних следопытов. Вот такие пироги, — заключил он свой рассказ.

— Какие пироги? — удивился Борька.

— Это такая присказка, что значит: вот такие дела, — пояснил он, улыбаясь, а потом, вспомнив, сказал: — Я думаю, ребята, что мост он рисовал просто как художник. Ведь, согласитесь, место там очень красивое.

— Место красивое, — подтвердил Толька, который до этого молчал. — Там тополя у самой реки.

— Видите? Мы, по-моему, во всем разобрались. Мне жаль, что я не смог пригласить Николая Петровича. А он хотел вас увидеть, но его сейчас нет в городе: уехал в командировку. Он очень хороший собеседник, и если вы пригласите его в школу, он может рассказать много интересного о будущем города и о прошлом — история всегда интересна. — Вопросы есть? — спросил он и на их молчание сам ответил: — вопросов нет. Тогда свободны. До свидания.

Ребята попрощались и вышли из кабинета.

Когда спускались по лестнице, их догнал капитан:

— Разобрались, Шерлоки Холмсы?

— Разобрались... — в тон ему ответил Генка, а Борька неожиданно для всех спросил:

— А у вас служебные собаки есть?

— У вас служебные собаки есть?
— Любишь собак? — улыбнулся капитан, обняв его за плечо.
— Люблю!
— И я люблю! — не удержался Толька.
— Питомник у нас во втором отделении, можно показать.
— Ой, покажите, пожалуйста, — за всех попросил Борька.
— Можно завтра, — капитан остановился в конце лестницы, — хотя, завтра уже первое сентября.
— Это ничего. У нас занятия в первую смену, — заторопился Борька.
— Хорошо, завтра в это время спросите меня у дежурного.
Они поблагодарили и, распрощавшись, направились к выходу.

Глава 16

ДВА МЕСЯЦА СПУСТЯ

Снег выпал в конце октября. Этого события ребята ждали с нетерпением, так как уже целый месяц занимались сооружением аэросаней. Генка в каком-то журнале увидел картинку саней с парусом и рассказал о них друзьям. Все загорелось желанием построить такие же. Вскоре большой фанерный ящик, валявшийся около одного из ларьков, обшитый досками, превратился в кабину. Пара старых лыж, укрепленных на стойках и прибитых к ящику по бокам, создала вид солидной конструкции. Сложности возникли с передней лыжей и рулем. Нужна была небольшая лыжа, но ни у кого из знакомых пацанов такой не оказалось. Выручил Толька, вспомнив, что сего бывший дружок Тюрю в прошлом году сломал лыжу, а другая осталась. Через пару дней он притащил ее, выменяв за три пачки сигарет. Лыжа была длинной, и поэтому Генка без колебаний отпилил нужную перед-

нюю часть, но потом все задумались: как ее закрепить? Борька предложил прибить ее снизу гвоздями. Не придумав ничего лучшего, решили так и сделать. Устройство руля подсказал Генкин брат и пообещал принести подшипник. А Толька сказал:

— У Васьки их навалом, я достану.

Борька был уверен, что тот достанет этот подшипник. Ему нравились Толькины смекалка, находчивость и решительность.

А ведь в начале сентября Толька на них сильно обиделся и дулся больше недели. Даже в школе, сидя с ним за одной партой, не разговаривал. Произошло это первого сентября, когда после занятий они снова пришли в милицию и капитан увез их в питомник служебных собак. Там им очень понравилось. Долше всего они простояли около щенят и на плацу, где проходили занятия с собаками. На обратном пути капитан довез их до угла Первомайской. Перед тем, как попрощаться, Генка спросил, удалось ли найти того шофера — Кешу. Капитан ответил, что нет, и тогда он сказал:

— Я его на другой машине видел, номер с восемнадцати начинается. Мы это и в тетрадку записали. Тот поблагодарил и уехал. Вот тогда Толька и обиделся:

— А чо взялись за дядю Кешу? Сегодня утром уже к мамке участковый приходил, спрашивал о нем. Вам-то чо он плохого сделал?

— Да ничего, — резко ответил Генка, — просто он вор, и все!

Толька возмутился, что они его совсем не знают, да и, может, это не он вовсе.

— Вот пусть милиция и разберется! — заключил Генка. Тот махнул рукой: «Эх вы!» — и побежал через дорогу. На другой день в школе Борька хотел ему все объяснить, но тот не стал слушать.

Одиннадцатого сентября Толька не пришел в школу и классная руководительница попросила Борьку сходить к нему и узнать, в чем дело. Когда он постучал к ним в квартиру, ему открыл Толька.

— Ты что в школе не был? Меня классная прислала, — сразу выпалил он.

— Неохота, вот и не пошел.

— Ну, ты даешь! — удивился Борька.

— Садись, — пригласил он сесть на кровать, на которую лег сам, — сейчас расскажу. Я тогда зря обиделся. В общем, вчера мамку снова вызывали в милицию и сказали, что они в начале месяца сделали запрос в воинскую часть, где папка служил, а оттуда ответили, что Иннокентий Сидоров, так он мамке назвался, в этой части не служил.

— Вот видишь, а ты за него заступался, — возмутился Борька.

— А кто знал...

— Он к вам еще приходит?

— Нет. Здесь не был. Я после того разговора, после питомника, встретил Кылю и спросил его, мол, зачем он про него в милиции сказал, а он: «Они там все равно все знают, а его я предупредил». Потому, наверно, он и нигде не появлялся. А сегодня утром приезжает капитан, снова за мамкой, а она вчера к бабушке уехала. Он мне: «А ты этого Кешу узнаешь, если увидишь?». Я: — «Конечно». Он говорит: «Одевайся, закрывай квартиру, поедем». Сели в красный «Жигуленок», он шоферу сказал про какую-то базу и поехали. Остановились во дворе, где полно тракторов, мусоровозов и других машин. Он мне говорит: «Внимательно посмотри, нет ли среди мужчин, которые стоят или заходят и выходят из диспетчерской, этого самого дяди Кеши». Я его сразу узнал, как только он появился на крыльце. Капитан надел шляпу, он был не в форме, и вышел из машины. Подошел к мужику в сером плаще, с блокнотом в руках, переговорил с ним, вернулся назад и мы уехали. И мне почему-то в школу идти расхотелось.

— Я бы тоже не пошел, — почему-то поддержал его Борька.

С тех пор Толька приходил почти каждый день. В середине сентября Борькин отец согласился взять их с собой на рыбалку, которой все остались очень довольны. Толька особенно: он взял с собой отцовский рюкзак и, конечно, свой нож, который все похвалили, когда с удовольствием ели уху, сваренную отцом в большом котелке. Потом он спрашивал Борьку, не собирается ли его отец еще на рыбалку.

А Генкину идею — построить аэросани, он поддержал

с готовностью и сразу же сказал, где можно достать подходящий ящик. Сегодня, сидя в сарае, они заканчивали мастерить руль, он был готов, но нужен был подшипник, чтобы окончательно закрепить его в кабине. Борька обстрагивал ножом рукоятку руля, а Генка рассказывал, как он собирается установить мачту и закрепить парус. Слушая его, Борька вдруг спросил:

— Генн, а может нам надо было сделать ножной руль, как на подшипниковых самокатах?

Генка на мгновение задумался и ответил:

Нет. Так интереснее.

Послышался скрип лестницы и в дверях появился Толька.

— Принес? — встретили они его вопросом в два голоса.

— Принес. — Он вытащил из кармана и протянул Генке завернутый в газету сверток.

— Молодец! — ударил его по плечу Генка, когда тот садился на дно опрокинутой ванночки. Борька, увидев его лицо, понял, что у того что-то случилось:

— Ты что такой? — спросил он, откладывая руль в сторону.

— Какой?

Борька неопределенно пожал плечами:

— Невеселый...

— Мамку вчера к следователю прокуратуры вызывали...

— Ну? — не вытерпел Борька.

— Пришла, плачет, плачет, потом обхватила меня и говорит: «Кешка убил нашего папку!»... — И снова заплакала... и я тоже...

— Так ты говорил: его током... — начал говорить Борька.

— Током... В общем... — Толька шмыгнул носом. — Я вам говорил, папка с ним не служил... Ей сказали, что он помог задержать того, когда он с кем-то магазин обворовал и хотел удрать. Потом папка был свидетелем на суде... А тот отсидел семь лет и приехал, чтобы отомстить... Устроился на завод по другим документам электриком... Проработал два месяца и уволился, а через день пришел ночью, когда сварочный цех не ра-

ботал, и что-то сделал с аппаратом, на котором палка работала.. Вот его и убило.. током..

— А как узнали? — спросил Генка.

— Его один слесарь опознал: видел, как он в ту ночь в сварочный цех проходил.

— Во гад! — вырвалось у Борьки.

— Мамка плачет, что еще какие-то ключи ему точила.

— А ты за него все заступался! — упрекнул его Генка.

— Кто его знал, что он такой подлюга! Да, если бы я знал.., Толька сжал кулаки. — Я бы не знаю, что с ним сделал! Я бы.. — не найдя слов, он замолчал. Утерев нос рукой, продолжил: — Мамка сказала: скоро будет суд.

Некоторое время они рассуждали о том, как его могут наказать и вызовут ли их как свидетелей. Генка заключил:

— За такие дела накажут, будь спок! — и решил сменить тему: — Ладно.. Подшипник, Толька, как раз! Чуть стойку подстрогаем и можно крепить. Теперь только рейку для мачты надо достать, а то эта короткая, — и он показал на рейку в углу.

— Не рейку надо, она сломается, — возразил Толька, — надо толстую круглую палку. За автобазой, на огородах, полно.

Решили, что завтра они займутся парусом.

* * *

На другой день в конце пятого урока объявили, что всех просят пройти в актовый зал, а шестой урок, у которого он есть, отменяется. Борька взглянул на Тольку и сморщил недовольно нос: у них шестого урока не было. — Сбежим? — сразу предложил Толька.

— Вон, — скосил глаза Борька, — классная идет.

С шумом-гамом и толкотней при усилении учителей всех построили по классам в несколько шеренг. Шум продолжался, так как одни расспрашивали, по какому поводу собрали, а другие высказывали свои предположения. Все затихли, когда в дверях показался директор школы, а с ним начальник милиции и высокая светловолосая

сая женщина. Начальник милиции был в светлосерой форме с рядом орденских колодочек на груди, а женщина — в ажурной белой кофте и темной юбке. Следом вошел физрук с двумя картонными коробками. Все остановились посреди зала, а он прошел к противоположной стене и поставил коробки на небольшой столик.

Директор школы начал говорить:

— Ребята, на этот раз мы собрались по приятному поводу, но прежде я хочу вам представить наших гостей: Валентину Сергеевну... В это время Борьку дернули сзади и он услышал голос Витьки: «Придешь завтра видик смотреть?» — «Не знаю еще», — ответил он, но фамилию женщины он уже не расслышал; директор продолжал: заместитель главы администрации города и начальник милиции полковник Корнев Иван Васильевич. Прошу их поприветствовать. Все похлопали. Потом он предоставил слово женщине и она, чуть выдвинувшись вперед, начала говорить:

— Мне очень приятно выполнить сегодня почетную миссию. В вашей школе, в шестом классе «Б» учится Толя Фомин. Я прошу его подойти сюда.

Только немного замешкался от неожиданности и вышел.

— Повернись лицом к ребятам, — шепнула Галина Ивановна, классный руководитель. Он повернулся. Женщина продолжила:

— Ребята! Летом, двадцать седьмого июня, Толя совершил героический поступок — он спас утопающую девочку. Это характеризует его как смелого и решительного человека.

Только быстро-быстро заморгал глазами, а румянец проступил даже через его смуглую кожу. Борька заметил, как у Тольки выпрямился мизинец на правой руке и стал шевелиться. Тем временем она сказала:

— Сейчас я зачитаю вам Указ, — и стала читать. Там говорилось о том, что она уже рассказала, а в конце было: — наградить Фомина Анатолия Григорьевича медалью «За спасение утопающих».

Только перестал моргать глазами, но тут же начали шевелиться одна сторона губ и щека.

Закончив читать, она открыла коробочку, которая бы-

ла у нее в руках, и достала медаль. Подойдя к Тольке, приколотла ее к пиджаку, а потом, как взрослому, пожала руку и передала коробочку и еще что-то.

Толька поднял брови и снова заморгал глазами. И тут, как говорят, разразились аплодисменты. Галина Ивановна подтолкнула его в спину и он встал на место.

Борька не удержался и сразу потрогал медаль. Она была прохладной и выпуклой: на ней был изображен пловец. Все, кто стоял рядом, сгрудились, желая посмотреть, а если удастся и пощупать медаль. Борька поинтересовался, что она еще ему передала. Это было удостоверение на медаль.

Снова раздался голос директора, который попросил соблюдать тишину. Все стали разбегаться по своим местам. Физрук перенес столик вместе с коробками ближе к выступающим. Когда наконец установилась тишина, директор предоставил слово начальнику милиции. Тот начал говорить:

— Ребята, — он кашлянул в кулак, — у вас учатся трое ребят. Это Геннадий Поваров, Борис Гранин и награжденный сейчас медалью Анатолий Фомин. Я бы тоже попросил их выйти из строя.

Услышав свою фамилию, Борька сразу начал краснеть, а когда вышел и стал рядом с Толькой, ему казалось, что сейчас «из ушей посыплются искры», как иногда говорил отец. С другого бока подошел Генка.

— Эти трое ребят, — продолжал начальник милиции, — проявив находчивость, помогли задержать опасного преступника и выявить группу расхитителей, то есть воров. Приказом начальника областного управления внутренних дел за проявленную бдительность они награждаются грамотами и ценными подарками. Он зачитал грамоту на имя Генки, физрук сзади подал ему небольшую коробку и произнес: «Награждается — фотоаппаратом!» — и вручил его вместе с грамотой. Все захлопали. Потом таким же торжественным голосом он прочитал грамоту на Борькино имя и сообщил: «Награждается — щенком восточно-европейской породы!» и в

Борькиных руках оказался чудесный тепленький, воро-чающийся комок. Борька прижал его к груди и даже не сразу протянул руку начальнику милиции, когда он его поздравлял. В зале поднялся такой шум, что тот не стал больше читать и говорить, а приподнял над головой грамоту и небольшой магнитофон, показывая всем, и вручил их Тольке.

Когда их попросили встать в строй, то, собственно, строя уже не было. Все толпились около него и Тольки. Генку он не видел. Ему казалось, что больше ребят было около него. Щенок всем понравился, а девочки прямо повизгивали, дотрагиваясь до него.

* * *

Домой они шли все вместе, правда, Толька быстро распрощался, так как жил рядом, а с ним продолжала идти большая группа ребят: все с их переулка и некоторые с соседних улиц. По такому случаю они решили сделать небольшой крюк. Расталкивая всех, к Генке побилась Людка:

— Генн, а Генн? Как вы этого преступника задержали? Втроем напали, да?

— Никак мы его не задерживали.

— А начальник сказал: «Помогли задержать», — вспомнила та.

— Просто мы о нем рассказали в милиции, а там уж они сами.

— А.. — протянула она, а на ее месте появился Сережка:

— Слушай, Генка.. — и так один за другим сыпались ему вопросы. Борьке было немного обидно, что больше спрашивали Генку, но, чувствуя, как за пазухой копошится щенок, он забывал обо всем. Не зря сказал капитану Санохину, когда стояли около щенков, что самая большая его мечта — иметь такого щенка.

— Борь, — это Людка, — как ты его назовешь?

— Еще не знаю.

— Назови Рэмом. И красиво и, — запнулась, — и подходит к овчарке.

Была суббота и Борьке хотелось, чтобы родители оказались дома. Он залетел, как пуля, и, увидев мать, вышедшую из комнаты, обрадовался и с порога выпалил:

— Меня наградили! Вот! — быстро распахнул пальто и бережно достал щенка. Тот пискнул, зажмуривая голубоватые глазки от света из окна. Мать взяла его в руки:

— Ой, какой симпатичный.

В дверях появился отец:

— Кого тут и чем наградили?

— Меня! — ответил Борька, бросая ранец на пол и подскакивая на месте, чтобы скорее сбросить пальто.

— За что же тебя наградили? — спросил он, прикладывая руку к щенку.

— Мы с Генкой и Толькой... это... ну, в общем, помогли поймать опасного преступника. Ну, я уже вам рассказывал про Тольку и этого дядю Кешу... Ну, и расхитителей, — взволнованно проговорил он.

— А если без ну, — поправила его мать.

— В общем, этого бандита и воров.

— Значит, герои получили награды? — отец потрепал его по голове, а мать поцеловала в щеку.

Прежде чем садиться есть, он, да и все, занялись устройством щенка. Отец принес из кладовки ящик из-под посылки и пропилил в нем с торца отверстие, получилась настоящая конура. Борька уговорил сестренку отдать один кукольный матрац, а бабушка нашла кусок пубы, чтобы подстелить на дно. Когда Борька поставил ящик на отведенное место, отец накрыл его крышкой и сказал: «Дом готов». Мать вынесла из кухни эмалированную чашечку с молоком:

— Вот ему обед.

Щенок ел, помахивая от удовольствия хвостом. Нинка хотела схватиться за него, но Борька поймал ее руку:

— Не трогай!

— Я только погладить..

— Не надо, когда ест.

Пока Борька обедал, все обсуждали, как щенка называть, и он вспомнил Людкино предложение. Все согласились, что Рэм — это хорошо. Потом Борька рассказал, что произошло в школе. О директоре, начальнике милиции, о женщине, но кто она такая, он не мог вспомнить. Потом о Толькиной медали и что его еще наградили магнитофоном и о Генкином фотоаппарате. И, конечно, похвастал, что больше всего всем понравился его щенок.

После обеда он не пошел к Генке, да они и не договаривались сегодня, а провел все время со щенком. Тот на самом деле был забавным. Он обошел почти всю квартиру: заглянул и обнюхал каждый угол. Первую лужу за ним Борька вытер даже с удовольствием. Сложности появились, когда он сделал лужу на ковре. Мать сразу предупредила, чтобы в зал его не пускали.

Вечером Борька долго стоял на четвереньках, заглядывая в ящик, пока щенок не уснул. Потом пошел спать сам.

Зашел отец: «Я возьму будильник, Наш что-то остановился, а маме завтра дежурить».

— Возьми — согласился Борька, а когда тот хотел потушить свет, спросил:

— Пап, а почему вы мне сейчас разрешили, ну, ничего не сказали про собаку, а раньше не разрешали?

— Сейчас другое дело. Это же награда.

Борька не знал, что за два дня до этого отцу звонил капитан Санохин и рассказал о большом Борькином желании иметь собаку, и тот согласился.

Отец сел к нему на кровать:

— Вы, конечно, молодцы, но ты, Боря, видел по телевидению, каких бандитов показывают, так что не надо из себя воображать **сыщиков** — это все далеко и шутки и может очень плохо кончиться. Что, у вас нет интересных дел?

— Есть! — приподнялся он на подушке. — Я тебе говорил про аэросани... Вот завтра закончим и поедем кататься на пустырь.

— Это замечательно! Молодцы! Обязательно посмотрю на вашу машину, — он поднялся, пожелал ему спокойной ночи и выключил свет.

Борька представил, как все будут завидовать, когда увидят их аэросани, мчащиеся под парусами, и, засыпая, улыбнулся..

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	Стр.
Предисловие. Повесть о наших мальчишках _____	3
Глава 1. Тайна _____	5
Глава 2. Незнакомец _____	13
Глава 3. Первые итоги _____	18
Глава 4. Неожиданная встреча _____	21
Глава 5. На пустыре _____	29
Глава 6. «Толстяк» _____	35
Глава 7. Толька _____	38
Глава 8. Приезд отца _____	47
Глава 9. Воры _____	51
Глава 10. Фотоаппарат _____	55
Глава 11. День удач _____	64
Глава 12. В милиции _____	73
Глава 13. У Тольки _____	77
Глава 14. Снова в милиции _____	81
Глава 15. У майора Шиловой _____	86
Глава 16. Два месяца спустя _____	91

Тимир Николаевич ФЕДОРОВ
В КОНЦЕ АВГУСТА, ИЛИ ОПЕРАЦИЯ «УРАГАН»
Приключенческая повесть
Приложение к альманаху «Березовские мелодии»
ИЗДАТЕЛЬ—СОЮЗ ТВОРЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ
Г. БЕРЕЗОВСКОГО

Редактор **В. Д. Чворо.**
Технический редактор **В. Г. Трусова.**
Корректор **Т. Ф. Уланова.**
Художник **Т. Н. Федоров.**

Сдано в набор 10/03-96 г. Подписано в печать 14/05.1996 г.
Заказ № 962. Объем 6,5 печ. листа. Тираж 1000 экз. Бумага
типографская. Цена договорная.

Березовская городская типография, 652430, г. Березовский,
ул. Мира, 38.

цена
20 руб. = коп.

